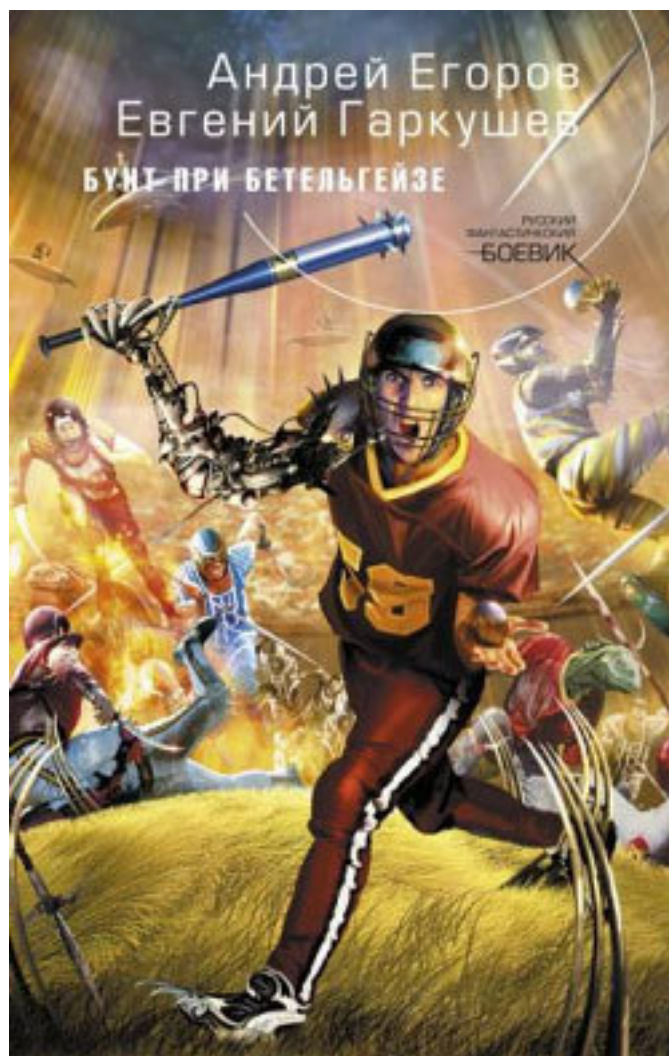

Андрей Егоров
Евгений Гаркушев
БУНТ ПРИ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Коски

Андрей Егоров

Бунт при Бетельгейзе

«Автор»

«Автор»

2006

Егоров А. И.

Бунт при Бетельгейзе / А. И. Егоров — «Автор», «Автор»,
2006 — (Коски)

Профессиональный аферист и игрока Эдик Цитрус обвинен в убийстве, и его ожидает многолетнее заключение в поясе астероидов у звезды Бетельгейзе. Бунт в колонии для особо опасных преступников неожиданно делает Эдика обладателем огромного состояния. Но космические пираты не дремлют. Да и могущественная тайная организация не прочь использовать таланты Цитруса в своих целях. Благодаря чудесам современной науки он из беглого преступника превращается в настоящего супермена. Вот только репутация тайной организации, с которой ему пришлось иметь дело, говорит о том, что добром эта сделка не закончится...

© Егоров А. И., 2006

© Автор, 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений ГАРКУШЕВ, Андрей ЕГОРОВ

БУНТ ПРИ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Благодаря тому противоречию, которое мы так часто встречаем в характере этого типа преступников, у них рядом с упорнейшим отрицанием ими своей вины наблюдается подчас неожиданное добровольное стремление обличить себя. Явление это объясняется различными причинами. В большинстве случаев дело сводится к простой потребности поболтать и поделиться с другими своей тайной. Они находят особенное удовольствие в том, чтобы много говорить о совершенном преступлении, потому что они при этом мысленно переживают его вновь и продолжают испытывать то наслаждение, которое оно доставляет им...

Чезаре Ломброзо. «Криминальный человек» (1895)

Глава 1

ДЕДУШКИНО НАСЛЕДСТВО

Если тебя всё время пытаются прикончить и каждый твой день наполнен беготней с одной только целью – выжить, поневоле начнешь задумываться о том, что в этой жизни что-то нужно менять.

Не то чтобы Эдик Цитрус отличался мерзким характером и немедленно располагал против себя всех, кто встречался ему на жизненном пути, или лицо у него было такое неприятное, что всякий встречный так и горел желанием немедленно его поколотить. Нет, всё было гораздо прозаичнее – просто Эдвард любил сорить деньгами, а поскольку доходы у него отсутствовали, деньги он добывал одним и тем же способом – занимал под большие проценты. И никогда не отдавал. Не с чего было отдавать.

Из-за этой вредной привычки ему даже пришлось стать межпланетным путешественником и всё время переезжать с места на место. Поначалу на каждой захудалой планетенке, куда заносила его нелегкая, деньги Эдварду давали охотно – ибо физиономия его прямо-таки располагала к доверию и обхождение было в высшей степени приятным. Тем большим было разочарование кредиторов потом, когда выяснялось, что они имеют дело с типчиком, абсолютно нечистоплотным в финансовых вопросах.

Ко всему прочему Эдик еще в совсем юном возрасте увлекся азартными играми, поэтому всякий раз, когда у него появлялись наличные, он немедленно оказывался за игорным столом. Больше всего его привлекала старая добрая рулетка. Шарик прыгал по делениям игрового колеса, а сердце Эдварда замирало в предвкушении крупного выигрыша. Но опять выпадало зеро! Ох уж это зеро! Простой поляризационно-магнитный механизм, внедренный по инициативе владельца казино, – и очередная партия игроков разорена до нитки.

Так было и на этот раз. Зеро! Эдик поежился от накатившего на него дурного предчувствия, поднялся из-за стола, глянул недобро на крупье – тот ответил ему безразличным взглядом – и побрел между столиками на выход, справедливо полагая, что там его уже ждут. В казино кредиторы к игрокам не приставали – мешала хорошая охрана, но снаружи он и сам не поставил бы на свою безопасность ломаного гроша, хотя всегда любил рискованные ставки.

На улице, между тем, разгорелась настоящая драка за обладание его скромной персоной. Представители клана Ивановых наехали на клан Швеллеров. Потасовка шла нешуточная и грозила в ближайшее время перерасти в перестрелку. Сам Швеллер – маленький и лысый главарь выходцев с Собачьего рая, захудалой планетенки в окрестностях Дзеты Змееносца, пры-

гал вокруг массивного Иванова с бейсбольной битой. И кричал, что немедленно пустит ее в ход, если ивановские подонки не оставят Эдика в покое. Не то чтобы он так сильно волновался за судьбу Цитруса – просто в его планы входило выпотрошить азартного игрока первым.

Кредиторы этой холодной осенью натурально выстраивались в очередь, решая между собой, кто первым будет крутить Эдварду руки и выворачивать его карманы. Просто потому, что на этой планете он провел довольно много времени и успел заслужить репутацию злого неплательщика долгов.

Эдик выглянул сквозь стеклянные двери на улицу, увидел, что там творится настоящий бардак, и ему стало совсем тоскливо. Он покосился на грозную охрану и понял, что выходить всё равно придется. Позади маячил вышибала по кличке Твердое Колено, который очень не любил, когда проигравшиеся клиенты топтались на пороге казино.

Осторожно приоткрыв дверь, Эдик спустился по ступеням и попытался незамеченным проскользнуть мимо дерущихся. К несчастью, его увидел один из братков Швеллера. И захлебнулся криком:

– Во... вот он, паскуда! Апельсин козявистый!

– Цитрус, – поправил его Швеллер. – Здравствуй, Эдик! Куда это ты так спешишь?

Свара немедленно прекратилась. Несколько десятков рук сгребли должника в охапку и принялись перетягивать из стороны в сторону, пока он не закричал:

– Стойте, стойте!

– Гони бабки! – потребовал Иванов, шевеля массивными челюстями с таким видом, словно разминал их, прежде чем прожевать Эдварда.

– Мне гони бабки! – глянув на конкурента исподлобья, потребовал Швеллер и махнул бейсбольной битой для придания веса своим словам. – Про эту козлиную морду можешь пока забыть!

– Ребята, определитесь, а? – затараторил Эдик. Мысли он всегда излагал торопливой скороговоркой, за что получил кличку Болтун. Она была менее популярной, чем основная – Цитрус. Старым друзьям позволено было звать Эдика Болтливым Цитрусом. – Тому гони, этому гони. На всех у меня бабулек точно не хватит. Я, между прочим, деньги не печатаю. Хотя мог бы... – Он задумался на мгновение, затем продолжил спасительную тираду: – Я бы, признаться, даже одному из вас не смог ничего отдать, но, по счастью... что я говорю... к великому моему расстройству, пару дней назад у меня умер дедушка на Амальгаме-12. Вы бывали на Амальгаме-12?

– Нет! – дружно отозвалась братва.

– Напрасно, – заметил Эдик, – замечательные места. Стабильная экономика, всеобщее процветание. Вот и дедушка мой был очень богат. И всё свое состояние он, конечно, оставил мне, любимому внуку. Кому же еще? Больше наследников у дедушки не было. А если бы и были – он бы предпочел меня. Потому что я – лучший внук на свете. Самый расчудесный внук в нашей Галактике. Таких внучат, как я, поискать, скажу я вам. Кто приносил дедушке тапочки по первому требованию?! Кто накладывал горячий компресс на его больную поясницу? Кто делал ему растирания? И даже... – он понизил голос, – словно заботливый медбрат, вставлял катетер... Куда вставлял, спросите вы? Куда надо, не будем уточнять, куда именно! Да что там, я даже клизмы ему ставил!

– Бреешь, пес шелудивый! – надвинулся на разговорчивого должника Иванов.

– Нисколько. Я большой специалист по клизмам. Если кому нужно, могу запросто поставить. И возьму, кстати, совсем недорого...

– Какие клизмы?! Я не о клизмах, я о наследстве!

– Вам никто не говорил, что вам бы не помешал дезодорант для полости рта?

– Да я тебя! – взревел главарь клана.

– Отвянь! – чтобы успокоить разбушевавшегося Иванова, Швеллеру пришлось стукнуть его бейсбольной битой по спине – удар получился сильный, но здоровяк его почти не заметил. – Парень дело говорит – если не врет, конечно. А это проверить недолго. Так что там с твоим дедушкой-миллионером, Цитрус?

– Мой дедушка не был миллионером, – скорбно сообщил Эдик.

– Так я и знал! – прорычал Иванов, его счетчик накрутил такую сумму, что не всякий миллионер смог бы погасить этот долг.

– Да погоди ты! – осадил его Швеллер, ему Эдик задолжал немногим меньше, и он надеялся на возвращение энной суммы.

– Но, – произнес Эдвард, подняв вверх указательный палец, – у моего дедушки была фабрика по производству бубликов.

– Ты что, издеваешься над нами?! – Лицо Иванова сделалось пунцовым; он протянул руку, собираясь ухватить наглеца за воротник и как следует встряхнуть.

– Вовсе нет! – широко улыбнулся Эдик, демонстрируя расположение к собеседникам и готовность немедленно погасить долги. – Бублики очень популярны на Амальгаме-12. Как и слоеные пироги.

– Он и пирогами торговал? – заинтересовался один из бандитов и шумно сглотнул.

– Конечно, его пироги продавались повсюду на Амальгаме-12. И не только на 12-й, но и на 13-й, и на 14-й, и на...

– У Амальгамы 13 планет, – сообщил Швеллер.

– Извините, увлекся...

– Короче, крендель ты беспонтовый, – Иванов всё-таки ухватил должника за воротник, – чую я, ты нас за нос водишь. Я тебе сейчас лицо обглодаю!

– Не надо, – сморщил нос Эдик, – я просто хотел сказать, что получил наследство. Осталось только вступить в права, и я отдам вам всё, что задолжал. Продам бубличную фабрику – и отдам. А если вы убьете меня сейчас... Не спорю, это несколько компенсирует ваши моральные страдания, конечно, – но вы ведь получите тогда не бублик, а только дырку от бублика.

– Дырку? – заинтересовался один из громил Иванова. – Это как?

– Ты купи бублик в любой булочной, отдай его друзьям, а дырку оставь себе – вот и узнаешь, – охотно пояснил Эдвард. – В данной ситуации, друзья, – это государство, которому достанется наследство дедушки в случае моей преждевременной гибели. А на что потратит деньги государство? На усиление полицейского аппарата, повышение жалованья и премий копам. То есть вы, ребята, своими руками сейчас хотите отдать деньги копам. Понимаете? Ведь это просто западло! Простите меня, пожалуйста, но всё именно так и выглядит. И что о вас подумают другие? Что они подумают, я вас спрашиваю?

– Слышь, болтун, не грузи, – поморщился Швеллер. – У тебя доказательства есть? Письма там, нотариально заверенные, другие интересные документы? Может, доверенность на управление бубличным заводом? Фотография дедушки, на худой конец?

Эдвард возвел глаза к небу.

– Честное слово. Мое честное слово! Вот скажите мне только – когда я вас обманывал?

– Всегда! – ответили кредиторы хором.

– Я твоими честными словами сыт по горло... – начал Иванов. Но тут вмешался Швеллер:

– Погоди-ка. Пусть докажет, что дедушка оставил ему наследство. Пусть покажет мне его фото – должно оно у него быть, раз он так деда любил, что клизмы ему ставил!

Цитрус принялся лихорадочно рыться в карманах. На землю полетели две карточные колоды, грязный носовой платок, пачка презервативов.

– Это я возьму, – заметил Швеллер, подобрал презервативы и убрал в карман брюк.

– В счет долга? – поинтересовался Цитрус.

– Я тебе покажу в счет долга, подонок. Ройся в карманах поактивнее.

– Хорошо, хорошо! – откликнулся Эдвард и заторопился. – Да вот же оно! – заорал он, протягивая Иванову цветной кусочек пластика. – Это и есть фото моего любимого дедушки.

– Хм... Солидный старикан, – протянул бандит. – Гляди-ка, Швеллер!

Но второй бандит даже не взглянул на изображенного на фото мужчину, а перевернул карточку обратной стороной.

– Это же календарь! – прорычал он. – Сувенирный календарь!

– Календарь, – ничуть не смутился Эдик. – Что ж тут странного? Дедушке вполне по карману выпускать календари со своим фото. Он же не нищий какой-нибудь! Ну да, дед раздавал их клиентам – любителям бубликов с Амальгамы-12! А теперь я буду раздавать. И с изображением дедушки, и со своим собственным!

– Сдается мне, старик смахивает на какую-то звезду стереовидения! Жаль, я почти не смотрю стерео!

Эдвард потупился. Календарь достался ему в качестве выигрыша в беспроигрышной лотерее, до которой он был большой охотник. Он тоже полагал, что старикан на фотографии – актер или, на худой конец, известный по всей Галактике благотворитель. Но надеялся, что образования и эрудиции его кредиторов не хватит, чтобы установить этот факт.

– Календарь – не доказательство, – напустился Иванов, которому стало обидно, что он не заметил цифр на обратной стороне «фотографии». – Что у тебя еще есть?

– Даже не знаю, – замялся должник. – Может быть...

Иванов занес кулак, намереваясь в случае неверного ответа опустить его на голову Эдика. Удар у него был страшной, убойной силы. Об этом Эдик знал не понаслышке. Несколько раз видел бандита в деле. Челюсти Иванов крушил самозабвенно. Удар – противник в отключке. Удар – еще один лежит, отдыхая от несправедных трудов.

– Дедушка прислал мне письмо перед смертью, – Эдик пошел ва-банк.

– Оно у тебя с собой? – заинтересовался Швеллер.

– Оставил в гостинице. Это очень ценное письмо. К тому же, последнее! Я сильно им дорожу. А на улице его могли украсть. Как не раз крали дедушкины фотографии. Одно ворье вокруг! Поэтому в последний визит на Амальгаму я и взял у дедушки пачку календарей. Пусть крадут, на здоровье!

– Ладно, гостиница твоя недалеко. Мы пойдем и посмотрим на письмо... Надеюсь, оно заверено нотариусом?

– Нет, – «честно» признался Эдик. – Зато там есть марки с Амальгамы, дедушкина подпись, и всё такое...

Он поднял взгляд к небесам. В зеленоватой вышине плыли клочковатые багровые облака. Над ними летел серебристый почтовый снаряд – вот бы его сбить да раскурочить... Много интересного можно заполучить. Но всё это – несбыточные мечты.

Опустив взгляд, Цитрус увидел всё ту же безрадостную картину. Его окружала толпа бандитов. Да и вообще, порядочных людей, или хотя бы гуманоидов, на улице было крайне мало. Вот, скажем, по противоположной стороне улицы спешит рептилия, ведущая на поводке карликового звероящера с огромными зубами – куда там бультерьеру... Но не вступится эта рептилия за наследника дедушки с Амальгамы-12, даже если его сейчас начнут избивать ногами и дубинками. Даже полицию не вызовет. Лишние проблемы никому не нужны.

Эдик загрустил и замолчал, что случилось с ним не так часто.

– Может, я его сначала тресну, – прорычал Иванов, – вруна распроклятого?!

– Не надо меня трескать, – попросил Эдик. – А то я и сам тресну! То есть по швам разойдусь!

– Я те разойдусь! – пригрозил Иванов.

– Не надо, пожалуйста, меня трескать! Я вам еще пригожусь.

– Действительно, – поддержал Швеллер, – подумай сам, если ты его треснешь, то он не сможет показать нам письмо. Я же тебя знаю.

– Это еще почему? Письмо он может показывать и без зубов.

– Верно, но как бы ты не перестарался.

– Да?! Ну, ладно, хорошо, – Иванов нехотя выпустил должника, – пошли, подлец. Знай, что если, на твою беду, у тебя не было дедушки...

– Дедушки есть у всех, – заверил Эдик.

– У меня не было дедушки, – один из бандитов смахнул скупую мужскую слезу.

– Одни придурки кругом, – выдавил Швеллер и отвесил парню подзатыльник, – соберись, debil. У меня даже мамы с папой не было, в прорубке меня вырастили, а мне от этого ни горячо, ни холодно. Так, обидно только временами, что первые три года жизни только кибер-няню с железным лицом, похожим на утюг, и видел. Мне потом в каждом утюге что-то знакомое и родное мерещилось...

– То-то ты так утюги любишь, – хохотнул один из громил и поправился, осознав, что сморозил бестактность: – На живот кому-нибудь поставить, я имею в виду.

– А чего же... Хорошая штука утюг, – согласился Швеллер. – Правда, Цитрус?

– Не знаю, – скорбно ответил тот.

– Скоро узнаешь, – обнадежил его бандит.

– Пошли, – Иванов ткнул Эдика массивным кулаком в область печени, тот охнул и заспешил к гостинице, потирая ушибленный бок. За ним двинулась мрачная толпа.

Шли, сохраняя молчание. Выглядело шествие, как похоронная процессия. Не хватало только гроба, венков и покойника. Что касается скорбных лиц – они присутствовали в избытке. Самым скорбным было лицо потенциального покойника, шествующего впереди. Глазки его бегали, а мозги мучительно искали выход из этой казавшейся безвыходной ситуации. Ведь письма в номере не было.

Одинокое прохожие испуганно шарахались от живописной группы бандитов. Кто-то вжимался в пластиковые стены домов, кто-то спешил заскочить в магазин, даже если это была лавка по продаже снеди для бородавочников.

«Вот бы мой номер сегодня обчистили! – думал Эдик. – Со взломом! Тогда можно было бы списать потерю письма на грабителей. Конкурентов-наследников!»

Метров через двести они поравнялись с гостиницей «Астория», где Эдик квартировал в каморке размером два на два метра, с общей уборной на восемь комнат. Однажды он застал на унитазе похожего на громадного червяка немерианца. Тот пришел в гости к кому-то из постояльцев и решил опорожнить кишечный тракт. Эдик потом обходил туалет стороной, предпочитая пользоваться уборной в закусочной Джека Полпечени.

Уверенным шагом Цитрус прошагал мимо парадного подъезда. Даже не оглянулся на швейцара, который смерил «похоронную процессию» удивленным взглядом. На лице его отчетливо отразилось желание окликнуть постояльца – тот задолжал ему пару монет. Суровый вид сопровождающих Эдика заставил швейцара промолчать и насупиться.

– Эй, Цитрус, ты куда?! – окликнул должника Иванов. – Ты разве не здесь снимаешь собачий угол?

– Нет, нет! Я на днях переехал.

– Хм... У меня другие сведения. И куда же ты переехал?

– Перебрался в квартал к бородавочникам. Там жизнь дешевле. Продукты в магазинах свежие. И в ресторанчиках цены – просто загляденье.

– Фу-у-у-ты ну-ты, – Швеллер скривился, – я всегда знал, что ты омерзительный тип, но чтобы настолько... Как ты можешь обитать в квартале бородавочников? Там же такая вонь. И грязь. И эти мерзкие сопливые твари. В их рестораны и зайти противно – не то что там питаться!

– Привык, – откликнулся Эдик, – к тому же я не одобряю шовинизм. Бородавочники – такие же разумные существа, как мы с вами, и имеют право на то, чтобы к ним относились с уважением. Ясно вам, господин Швеллер?

– Не сказал бы, что они такие же, – смерив должника удивленным взглядом, откликнулся Швеллер. – А ну-ка, стой!

Эдик остановился:

– В чем дело? Мы не пойдем смотреть на письмо дедушки?

– Сдается мне, ты нам врешь. Бубличная фабрика – еще половина беды. Но жить в квартале с бородавочниками и жрать в их убогих закусовых...

– А я о чем говорю! – прорычал Иванов. – Может, прикончим его, и вся недолга? Только прежде помучаем, чтобы другим неповадно было.

– Неплохая идея, – отозвался Швеллер, – для таких дел у меня есть специальный человек, пыточных дел мастер, но этим гадом я, пожалуй, займусь лично. К бородавочникам он требует уважительного отношения! Надо же, какая скотина! Мало того, что спустил мои деньги, так еще и издевается!

Глаза его полыхнули таким хищным блеском, что Эдик вздрогнул.

– А в чем, собственно, проблема? – спросил он как можно невозмутимее. – Ну да, письмо дедушки в квартале бородавочников – потому что я там живу. Неужели вы не хотите забрать свои деньги? Убив меня, вы их точно не получите. Вам не всё равно, где я квартирую и с кем вожу дружбу?

– Ты еще и дружишь с кем-то из этих тварей?! – изумился Швеллер.

– Ну да... Я должен одному крутому бородавочнику пару сотен. Если вы убьете меня просто так, не спросив его, у вас могут быть крупные неприятности. Вас всюду начнут доставать бородавочники. Они, кстати, весьма изобретательны в способах убийства! Представляете, заходите вы с утра в свою ванну, а там бородавочник! Они мастера проникать в закрытые помещения.

– Это так, – кивнул Швеллер. – Знал я одного бородавочника на Дзете Змееносца. Там на астероиде есть колония, где я чалился по второму разу... Так для этого бородавочника пролезть в квартиру было не сложнее, чем для меня – проникнуть без приглашения в дошкольное заведение.

– А зачем тебе проникать в дошкольные заведения? – с подозрением покосился на него Иванов.

– Это я неудачно выразился, – пробормотал Швеллер и поспешил перевести разговор на другую тему: – Ну, так что ты там бормотал о бородавочниках?

– Я говорю, что, убив меня, вы обретете массу проблем и не получите никакого удовольствия! – затараторил Эдик.

– Вовсе нет! Мы получим огромное моральное удовлетворение! – прорычал Швеллер. – Да, Иванов?

– О да-а-а! Сдается мне, он просто хочет нас развести, Швеллер. Перо ему в бок надо сунуть. А лучше сухожилия на ногах перерезать. Чтобы не сбежал. И про уют ты там что-то заикался...

– Разве может маленькое моральное удовлетворение сравниться с большим количеством наличных?! – взвизгнул Эдик. – Только подумайте, господа, какой куш вам предстоит урвать! Я с радостью отдам вам наследство дедушки. Часть наследства, по размеру моего долга, конечно. И даже с процентами! А сам уеду отсюда и буду себе жарить бублики.

– Что ты будешь делать с бубликами? – насторожился Швеллер.

– Буду их жарить.

– А ты бывал когда-нибудь у дедушки на фабрике?

– Нет, у меня аллергия на сырую муку! Я видел производство только издали – из окна автомобиля. Поэтому я поразмыслил и решил, что фабрику лучше продать. Тогда денег у меня будет вообще завались. И я с радостью отдам их вам!

– Так уж и с радостью?

– Конечно, с радостью и превеликим удовольствием! Мне своя жизнь дороже. К тому же от денег я не видел в жизни ничего хорошего и пришел к выводу, что от них одни только проблемы. Если бы я относился к деньгам иначе, разве я был бы здесь сейчас с вами? Нет. Я жил бы спокойной, праведной жизнью, заслужил уважение окружающих и любовь близких – как мой дедушка, славный бубличник. А где я сейчас? Близких у меня нет. К тому же я должен отдать наследство любимого дедушки вам. Вы теребите его фотографию своими грязными лапами, пытаетесь оспорить его статус в обществе на Амальгаме-12. Мне стыдно... Нет, нет и нет. Деньги развращают людей и портят жизнь, что видно хотя бы на вашем примере, господа. Как только я расстанусь с деньгами, немедленно заживу другой, праведной жизнью. Не буду больше подонком. Таким, как вы...

– Песни будешь петь копам! – буркнул слегка обалдевший от излияний Цитруса Швеллер и задумчиво помахал бейсбольной битой. – До квартала бородавочников далеко. Предлагаю полететь на катерах.

– Идет, – кивнул Иванов. – А с кем полетит придурок?

– Какой придурок? – заинтересовался Эдик. – Вы еще и придурка какого-то хотите прихватить с собой? Зачем?

– Придурок – это ты, – пояснил Швеллер, наливаясь краской. – Я удивляюсь, с чего это тебя зовут Болтуном и Цитрусом. Правильное погоняло для тебя – Придурок. Это же надо – иметь такого дедушку с бубликами и ошиваться на этой вшивой планетенке... Может, объяснишь, зачем ты здесь появился?

– Мир посмотреть захотелось, – тяжело вздохнул Эдвард. – Вы, наверное, не знаете, но я тут совсем недавно. Каких-то полгода.

«Каких-то полгода, – мелькнуло у него в голове, – а меня уже хочет прикончить полгорода. Положительно, что-то не так с этой планетой. На Кумпукту в Южном секторе прошел целый год, пока на меня объявили форменную охоту».

– И как тебе мир?

– Местами хорош, но в основном – мрачен. По мне, жизнь с такими людьми, как вы, – дерьмо. А хороших людей в своих странствиях я еще не встречал. Каждый только и думает о том, как выбить из тебя долги! Не хочет вникнуть в сложную финансовую ситуацию, немного подождать...

На мостовую опустил пятнадцатиместный черный катер. Иванов кивнул водителю и махнул своим ребятам. В тот же миг из-под облаков спикировали две ярко-красные спортивные машины на шесть мест каждая – прибыло подкрепление Швеллера.

– Болтун полетит со мной, – заявил Иванов. – Хочешь, посади с нами пару своих ребят.

– Чтобы вы их выкинули по дороге? – усмехнулся Швеллер. – Нет уж, пусть он садится в мою машину. Туда же можешь сесть и ты. Один.

– Ага. Сейчас я сделаю тебе такой подарок! – хмыкнул Иванов. – Может, мне сразу застрелиться?!

– Нет, что ты, не стоит. Ведь тогда твоей кодлой будет командовать еще более тупой бугор.

– Это ты меня похвалить хотел или обидеть? – насупился Иванов.

– Просто констатировал факт, – усмехнулся Швеллер. – Давай так, летим на твоём катере. Людей поровну. И в мои машины твоих людей возьмем.

– Ладно, – кивнул Иванов.

– Я, может быть, пешком пойду, пока вы полетите? – предложил Эдик. – Или на такси? Не хочется, знаете ли, вас стеснять. К тому же мое присутствие внесет дисбаланс в равновесие сил. Вы ведь не знаете, кого я решу поддержать в драке, если она вдруг начнется.

– Кого ты, слизняк, можешь поддержать в драке? – хмыкнул Швеллер. – Я тебя никуда от себя больше не отпущу, богатый наследничек. А чтобы ты не рыпался, у меня есть отличная штука.

С этими словами, мерзко ухмыляясь, бандит вынул из кармана роскошного бархатного пиджака никелированные наручники и одним движением защелкнул их на запястьях Эдварда.

– Пошли, Цитрус! Скоро мы тебя выжмем, словно канарейку в чай!

– Или как апельсин в стакан! – решил блеснуть красноречием Иванов. – Видел, есть такие специальные машинки для отжимания цитрусов? Они их даже не отжимают, а выскребают! Острыми такими ножичками... Ну а мы по-простому придавим тебе голову дверью, нажмем как следует...

– Для начала можно ограничиться пальцами, – возразил Швеллер.

– Ты всегда был хлюпиком, – покосился на него Иванов. – Пальцами! Ты еще скажи, иголки под ногти ему загонять! И уют этот... Бабские развлечения! Тебе бы только банки по Сети грабить, Швеллер! А настоящий король рэкета – я! – Он скривился, довольный собой. – Недолго тебе осталось коптить воздух, если говорить начистоту.

– Это мы еще посмотрим, – Швеллер смерил главаря конкурирующей банды красноречивым взглядом и метко плюнул ему на ботинок.

– Ну, ты! – взвился Иванов. – Жить надоело?! Хочешь отправиться в дальнейшее плавание прямо сейчас?!

– Ладно, поговорим потом, – примирительно сказал Швеллер, постукивая бейсбольной битой по ладонке левой руки. – Давай сначала с этим разберемся.

Эдварда втокнули в полутемный салон воздушного катера, вонявший потом, грязными носками и дешевым табаком. Ребята Иванова жили просто. Следом вломились бандитские главари и дюжина братков из обеих банд.

– Адрес? – проворчал Швеллер.

– Улица Пликли Находчивой, дом двадцать пять. Комната на втором этаже, – ответил Эдик. Ситуация выглядела всё хуже. Еще и эти браслеты на руках... Так просто не убежишь.

Черный катер Иванова с ревом взмыл в голубое небо. Следом почти бесшумно сорвались с земли полуспортивные красные катера Швеллера.

– Плохо знаю кварталы бородавочников, – пожаловался пилот. – Там есть что-нибудь приметное поблизости?

– Статуя Пликли, – отозвался Эдик. Запираться было глупо. – Она стоит на постаменте с паяльной лампой в руках.

– А что он паял? – спросил Иванов.

– Не он, а она. Насколько я знаю, она ничего не паяла, а была коском. Но бородавочники ее за что-то уважают.

– Во, видишь, Иванов, к чему тебе нужно стремиться, – усмехнулся Швеллер. – Чтобы тебя водрузили на постамент в родном городе с плоскогубцами в руках... Или чем ты там особенно любишь пользоваться?

– Да уж не бейсбольной битой, – откликнулся Иванов. – А ты что, не хочешь, чтобы тебя увековечили с твоим оружием посреди города?

– Зачем? Я к славе равнодушен... Мне бы только денег срубить, – откликнулся Швеллер. – И ребята у меня скромные, как на подбор.

Преодолев за пару минут расстояние в несколько километров, катера опустились ниже и пошли на бреющем полете над улицей, по которой разгуливали бородавочники.

– И эту мразь ты предлагаешь уважать? – спросил Швеллер, тыкая Эдварда в бок. – Да ты только посмотри на них! Сопли висят до земли, бородавки мерзкие по всей харе. И короста с рыла прямо на мостовую сыплется. Ты разве не боишься заразиться?

– Не боюсь, – соврал Эдик. Бородавочники и впрямь выглядели омерзительно.

Зеленые сопли под носом, наличие которых считалось у них признаком хорошего здоровья, бугрящаяся, словно в нарывах, кожа, слезящиеся жабы глаза. Фигуры как таковые у представителей этой инопланетной расы отсутствовали напрочь. При взгляде на бородавочников со спины казалось, что по улице, переваливаясь, бредут мешки, набитые отбросами.

– Это та улица? Пликли Умного? – спросил Швеллер. – Я не читаю по-бородавчански. А тут на табличках сплошь их каракули.

– Пликли Находчивой, – поправил Эдвард. – Да, улица та самая. Вон, двухэтажный дом. Я живу на втором. Окна во двор.

– Сажай машину, – приказал Швеллер пилоту, вглядываясь в странную приземистую постройку, над крышей которой поднимались клубы белого дыма.

– Ты мне приказывать не можешь, – объявил громила.

– Ах, ну да, я и забыл – ты же ивановская шестерка. Иванов, а ты как считаешь, нам нужно приземлиться? Или полетим дальше? А может, будем летать вокруг дома этого придурка, пока не закончится горючее и катер не упадет?! А?! – Последние слова Швеллер прокричал.

Иванов задумался.

– Наверное, нужно сесть, – проговорил он спустя некоторое время. – Но ты моими людьми всё равно не командуй. А то еще понравится...

– Им или мне? – осклабился Швеллер. – Они у тебя, наверное, без зуботычин совсем на приказы не реагируют?

– Реагируем, – проворчал пилот и повел машину к земле.

Приземлились на бесплатной парковке, среди множества ржавых «примусов» – бородавочники отдавали предпочтение старым катерам.

Дверь катера открылась. Ступив в кучу мусора, на асфальт выбрался Швеллер.

– Не район, а большая помойка! – брезгливо поморщился он.

– Мне нравится, – откликнулся Эдик. – Воздух неплох, без промышленных выхлопов. Совсем как на Амальгаме-12. Там даже в столице воздух почти как в Деревне.

– Ну да, деревней здесь пахнет. Точнее, навозом...

– И соседи милые, – добавил Цитрус.

– Пошевеливайся! – Иванов вытолкнул его из катера. – Ишь, встал, любитесь пейзажем.

Рядом приземлились полуспортивные катера. Бандиты высыпали на асфальт, оглядываясь с таким видом, словно их привезли на заклание.

– Ничего, ничего, – подбодрил своих Швеллер, – это еще не переделка. Так – маленькое упражнение для чувствительных носов. А ты... – обратился он к Эдварду, – води нас к письму, а то, неровен час, мы потеряем терпение и сделаем из тебя немного мясного фарша, который скормим этим уродам.

Бородавочники медлительно передвигались вдоль улиц, пошлепывали по асфальту гусиными лапищами, на пришельцев косились неприветливо.

– Ишь, вылупились! – проворчал Иванов. – Людей, что ли, никогда не видели...

– Так, нам сюда, – Эдвард снова ткнул пальцем в сторону двухэтажного строения, – там я и обитаю. – Он судорожно шарил взглядом по улице, надеясь на неожиданное спасение. Сейчас сопровождающие подойдут, посмотрят, поймут, что там не гостиница, и всё – пиши пропало. Начнут закатывать его в асфальт прямо здесь.

Приблизились к подъезду.

– Это еще что?! – зловещим баритоном проговорил Иванов, пялясь на железную табличку, прикрепленную рядом со входом.

– Где? – Эдвард обернулся и с содроганием прочел вслух: «Бородавчанские сауны». – Ну да, – кивнул он с умным видом. – Здесь я поселился. В саунах.

– Может, в свободное время ты банщиком подрабатываешь? – поинтересовался Швеллер ядовитым шепотом. – Трешь их коростявые спинки, бородавчатые конечности?..

– Может быть, – ответил Цитрус. – А вообще, я не обязан отвечать на провокационные вопросы. У всех, знаете ли, свои увлечения. Это... это мое личное дело. К тому же платят здесь неплохо. Я ведь не знал, что дедушка так скоро отойдет в лучший мир! И не хотел тянуть из него деньги, надеялся заработать на жизнь сам.

– Мда-а-а, – скривился Иванов, скептически разглядывая Эдварда, – а и не скажешь, что извращенец. – Он погрозил Цитрусу кулаком, но хватать за воротник на этот раз не стал – побрезговал. – Письмо давай, банщик-любитель. Точнее, веди в свою нору-дыру. Вдруг там еще что-нибудь ценное сыщется?

– Может быть, вы подождете меня снаружи? – предложил Эдик. – Не хочется, знаете ли, пугать мирных бородавчанских обывателей.

– Обыватели для того и созданы, чтобы их пугать. Внутрь пойдем только мы с Ивановым, – сообщил Швеллер, – ну и парочка наших парней. Так... Шмыга... иди сюда.

– И ты, Шкаф, тоже, – буркнул Иванов.

От толпы отделились самые громадные бандиты и присоединились к боссам и одиноко стоящему у таблички «Бородавчанские сауны» бледному, что твоя наволочка, Эдварду. Табличка была единственной на русском языке во всем квартале. Может быть, имелись любители попариться в местной сауне и среди людей? Или табличка служила своего рода предупреждением, что чужакам сюда лучше не соваться?

– Идемте, – Цитрус вздохнул и толкнул дверь.

Из помещения на гостей пахло зловонием с таким сложным ароматическим букетом, что все зажали носы, а Шмыга от неожиданности едва не бухнулся на асфальт. Шкаф придержал его за плечо и слегка подтолкнул в спину. Драки не случилось только потому, что Швеллер сердито зыркнул на здоровяков и выдавил, проговаривая слова через плотно сжатые зубы:

– Вперед, грязные свиньи!

– Может, свиньям здесь было бы и ничего, – позволил себе дерзость Шкаф. – А нам как-то неуютно...

Когда дверь за незваными гостями закрылась, они очутились в валившем отовсюду едком пару. Таком густом, что на расстоянии вытянутой руки было ничего не разглядеть. Счастливый наследник бубличной фабрики разом испарился – словно растворился в вонючем облаке. Мелькнула напоследок его худая спина, и только его и видели. Зато из туманного небытия вынырнул огромный бородавочник и уставился на гостей.

– Мы к банщику, – сообщил Иванов и почувствовал себя очень глупо. Ему показалось, что голова его украшена парой длинных ослиных ушей.

– Эдвард! Мальчик мой! Куда же ты пропал?! – заорал Швеллер. В его взгляде читалось отчетливое желание задвинуть бородавочника с настырным взглядом маленьких черных глазок куда-нибудь подальше, но не хотелось пачкать руки. – Да сделайте же что-нибудь?! – Он обернулся к громилам. – Уберите этого с дороги!

– Я – банщик! – пробулькала бородавочник. – Чего хотите? Мы здесь людей не обслуживаем. Не выдерживают они нашего пара. Млеют сразу.

– Что-о-о?! – взвился Иванов. – Вы только послушайте, какая наглость! Ну, ты, жаба скользкая, ты кем себя возомнил?! Людей они не обслуживают. Да если я захочу, ты меня будешь парить каждый день, с утра до вечера! Парить и парить, ты меня понял?.. – Он осекся, заметив, что остальные как-то странно на него смотрят. – То есть... Я, конечно, никогда не захочу, чтобы такая образина меня парила! Никогда! Но что я пара здешнего не выдержу – это ты врешь, скотина! Даже несмотря на то что он такой вонючий – сдюжу!

С этими словами Иванов, пребывая в расстроенных чувствах от собственной оплошности, размахнулся и влепил банщику смачную оплеуху. Что стало еще более серьезной ошибкой. Физиономия бородавочника буквально взорвалась россыпями буровой слизи, забрызгав обоих боссов и их людей. А зеленые сопли из-под толстого носа пролетели по неровной траектории и шмякнулись на лицо низенького Швеллера. Тот закричал, замахал руками, угодив бейсбольной битой в нос Шмыги. Банщик воспользовался всеобщей суматохой, чтобы ответить Иванову ответную плеху. Силы у него оказались столько, что босс вышиб двери и рухнул на крыльцо, отплевываясь от облепивший его губы и нос слизи.

– Достаньте мне этого подонка! – прорычал он, силясь подняться, и толпа его людей ринулась в бородавчанские бани, круша всё на своем пути. В густом пару парни не разглядели, кого бьют – вломили Швеллеру, банщику, посетителям бани – простым бородавочникам, Шмыге и напоследок Шкафу, который, охнув, сел на каменку. Прижег зад и заорал так, что подивиться на происходящее сбежался весь квартал.

Выяснилось, что бородавчанские бани – любимое место отдыха множества местных жителей. Толпа завсегдатаев ринулась защищать сауну от вандалов.

Побоище приобрело массовый размах. В ход пошли не только ножи и кастеты, но и оторванные от стен впопыхах доски, камни мостовой, стулья...

Вскоре над местом драки уже кружили полицейские вертолеты. А через час признанных виновниками скандала парней Иванова и Швеллера, а также самих изрядно помятых боссов грузили в полицейские катера.

Иванов щупал языком сломанный зуб и строил планы кровавой мести, размышляя, как хорошим ударом сломает коварному Цитрусу нос. Швеллер крутил головой, недоумевая, куда мог подеваться наглый обманщик. Из бани он не выходил... Или всё же выходил? Еще он никак не мог понять, как получилось, что в сауне началось форменное побоище. Вроде бы всё было по закону, но потом что-то произошло... Он пришел к выводу, что во всем виноват Болтливый Эдик Цитрус, и что перед смертью ему стоило бы сломать руки, ноги и выщипать все волосы из ноздрей.

Эдвард в это время спешил по одной из улиц бородавчанского района, посмеиваясь, потирая руки, и даже не подозревал, какую чудовищную судьбу уготовили ему боссы преступных кланов. Он и думать не думал, что всё столь удачно сложится, когда вылезал через окно прачечной при бане. Ему представлялось, как бандиты будут гнать его через весь район, а потом заставят примерить пеньковый галстук или бетонные ботинки. Основательно перед этим поколотив.

Вместо этого они зачем-то ввязались в драку с бородавочниками и где-то потерялись. А когда над домами завывли сирены вертолетов, Цитрус понял, что смог уйти, да еще избавился от кредиторов на пару-тройку дней. Сейчас им явно будет не до него.

Нет, всё же славно, что в свое время он не побрезговал и пошатался как следует по бородавчанскому кварталу. Попытался проверить здесь аферу с организацией мгновенной лотереи. И приметил здание бани, как особенно бойкую точку для торговли. Узнать, что внутри, не удосужился, но вокруг покрутился изрядно. Даже выслушал рассказ старого противного бородавочника о Пликли Находчивой. Кто бы мог подумать, что такая идиотская информация пригодится?! Нет, определенно, никакие сведения не бывают лишними. Человеку с большим сообразительным мозгом, такому, как он, любая ерундовая история пригодится и будет использована с толком.

Однако из Баранбау следовало валить. Продажная полиция скоро получит бакшиш – и отправит всех бандитов гулять на свободе. И потом, Иванов и Швеллер – не единственные опасные мерзавцы, занятые его поисками. Так что когти надо рвать срочно! Вот только куда ему податься?! Не к дедушке же покойнику на Амальгаму-12?!

Эдик захохотал. Но как славно придумано?! Какой он молодец. Голова! Не то что эти безмозглые придурки. Еще боссами зовутся! Таким боссам бубличными заводами рулить, а не бандами вооруженных головорезов!

Размышления Эдварда прервал девичий голосок с легкой хрипотцой, выдававшей страсти его обладательницы к крепким спиртным напиткам, пьянящим колоскам и табаку.

– Неужели ты принес мне деньги, котик?

Цитрус вздрогнул и поднял глаза. Перед ним стояла Амалия – пухленькая брюнетка, особа, приятная во всех отношениях, к тому же напрочь лишенная комплексов и предрассудков. Кое-кто называл ее проституткой. Что касается Эдика, то он считал Амалию исключительно порядочной девушкой, потому что лично с него она до сих пор не взяла ни копейки – обещания заплатить не в счет! Да и сама Амалия сильно расстраивалась, когда ее обвиняли в страсти к стяжательству и продажной любви.

Квартал бородавочников закончился, Цитрус снова оказался в районах города, где основную массу жителей составляли представители вида хомо сапиенс.

– А разве я тебе задолжал, киска? – безнадежно спросил Эдвард. В голове мелькнуло: сотней больше, сотней меньше – какая теперь разница.

– Ну как же, – протянула Амалия, надувая губки. – В прошлую пятницу приходил? Приходил... А две недели назад вообще остался на всю ночь. Про любовь шептал. Говорил, что ты мой вечный должник.

«Правда, говорил», – чуть было не брякнул Эдик, но вовремя сообразил, что лучше промолчать.

– Так я... – забормотал он. – Я ведь...

– И до этого еще три раза, – продолжала Амалия. – А я всё жду, жду, когда ты свои обещания выполнять начнешь...

Эдик внимательно посмотрел в большие, удивительно глупые глаза и вздохнул. Не в его обычаях было обижать женщин. Конечно, он мог бы послать Амалию куда подальше, заявить, что платить ей даже не собирается – что бы она ему сделала? Девушка – не громилы Швеллера и Иванова. Только начнет кричать и биться в истерику. Побежит за ним, проклиная на всю улицу. В принципе, это он переживет. К девичьему крику ему не привыкать, но скандалов Эдик не любил и старался извлечь пользу из любой ситуации. Амалия болтлива и общается с большим количеством людей. Клиенты, подруги... Стало быть, рассказать ей об усопшем дедушке и его бубличном бизнесе – значит, упрочить легенду, которую он недавно скормил бандитам.

– А ведь я теперь богат, детка, – напряженно хохотнул Эдик – были опасения, что легенда не прокатит. – Мне досталась булочная... то есть бубличная фабрика на Амальгаме-12. В наследство от дедушки. Так что скоро заживу, как король. Продам эту фабрику, и стану тратить деньги, не считая! Знаешь, я тут сидел, размышлял на досуге. Как ты насчет того, чтобы полететь со мной на Амальгаму?

Амалия недоверчиво сощурилась.

– Вот так сразу – и полетели?

– Ну, не совсем сразу. Купим билеты на корабль, в первый класс, продадим всё, что тут есть, долги соберем – и двинем.

– Ты меня замуж, что ли, зовешь? – кокетливо поинтересовалась девушка. – Или на работу хочешь взять? – Цитрус замялся.

– Замуж – это слишком серьезный шаг. Я к нему пока не готов. Молодой слишком. А вот на работу... Почему бы и нет? Секретаршей хочешь быть? Мне теперь понадобится личная секретарша.

– Хм, секретарша... А что надо делать?

– Ты что, не знаешь?! Работы у секретарши полно, но не очень обременительной. Отвечать на звонки. Письма разбирать. Личную корреспонденцию. Кофе приносить, бутерброды готовить. Следить, чтобы настроение у босса было всегда приподнятое...

– Только никаких домогательств на рабочем месте, – насупилась Амалия. – Ишь, приподнятое... Всё, что не входит в служебные обязанности, – за отдельную плату.

– Но, разумеется, со скидкой, – не растерялся Эдик, который уже начал ощущать себя бубличным магнатом и даже вошел во вкус, размышляя о том, как будет экономить эфемерные финансы и разумно вести дела.

– Для тебя – за полцены, – деловито объявила девица.

– Вот и славно. Я тебя найду, как только всё определится. Это была, так сказать, предварительная беседа. Телефон у тебя тот же?

Амалия насупилась.

– Сдается мне, ты хочешь меня кинуть, Эдик!

– Это еще почему? – насторожился Цитрус.

– Потому что богатые наследники не зажимают плату девушкам. А иногда даже дарят им что-нибудь приятное сверх обещанного. Разве тебе было со мной плохо?

– Нет, ты что, – протянул авантюрист, соображая, как выпутаться из сложной ситуации с наименьшими потерями. – Слушай, Амалия, я тут поразмыслил... Мне для тебя, и правда, ничего не жалко. Поэтому я принес тебе в качестве залога наших добрых отношений кое-что ценное... Я ведь здесь, в этом районе, не просто так, я искал тебя. И, надо же, какая удача – нашел-таки!

Глаза девушки блеснули заинтересованно.

– Ну-у-у и? – протянула она, надув густо напмаженные губки.

– Вот, – сказал Эдик, выдернул из кармана и протянул Амалии вычурную подвеску с прозрачным камнем. – Настоящий бриллиант, три с половиной карата. Мне передал его поверенный вместе с письмом дедушки. Семейная драгоценность. Стоит столько же, сколько составляет твое полугодичное жалованье.

– Какое жалованье? – насторожилась девушка.

– Ну да, – спохватился Эдик. – Какое у тебя здесь жалованье. Живешь себе на гонорары. Словно писатель какой-нибудь. – В голове Эдварда мгновенно всплыл четкий образ – важный бородатый графман с трубкой в руке – литератор Афанасьев, наивно ссудивший Цитрусу последние две тысячи рублей на строительство плотины в Нангуру, на планете-пустыне, где последние пару миллиардов лет даже следов воды не было. – Я имею в виду то жалованье, которое намереваюсь платить тебе. Тысячу рублей в месяц. А, может, и полторы.

– Ты душка, Эдик! – воскликнула Амалия, вешаясь молодому человеку на шею.

– Ты в этом когда-то сомневалась? – проговорил он, торопливо ощупывая соблазнительные девичьи формы.

Стеклянной подвески было немного жаль. Ее Цитрус выменял у мальчишек на полностью разряженный одноразовый газовый пистолет «глюк». Но, с другой стороны, из-за этой подвески его три раза едва не побили.

Собственно, неприятности начинались каждый раз, когда Эдик хотел поставить подвеску на кон или заложить за тысячу рублей – десятую часть от ее «реальной» стоимости. Вещица была сделана неплохо. Не всякий отличит стекло от алмаза. Да только Цитрусу попадались сплошные специалисты. Один ювелир с кроваво-красными злыми глазками бежал за ним несколько кварталов, пока не споткнулся и не протаранил головой телефонную будку. Так что пусть Амалия порадует, а он избавится от соблазна – попробовать сбыть поддельную ценность так и подмывало. Но засыпаться на такой ерунде Эдику не хотелось.

Он уже собирался покинуть счастливую Амалию, поцеловал ее напоследок в шейку, когда, покачивая тяжелыми бедрами, в переулочек выплыла Роза Кухарка, «мамаша» большинства местных девиц, и, увидев Цитруса, огласила окрестности громоподобным рыком:

– Эдуа-а-ард?! Ну, наконец-то!

– Принес же черт, – пробормотал Цитрус, отстраняясь от Амалии.

Роза стремительно приближалась, выкрикивая:

– Ты что же, не помнишь, что пользовался моими девочками, да еще взял у меня триста рубликов под верный прожект и обещал через неделю отдать четыреста! Прошло уже три недели, а денег я так и не вижу! Хорошо хоть увидела твою гнусную рожу!

Эдик огляделся. Бежать?! Но куда?! С Розой Кухаркой лучше не связываться. Кулаком она молодого бычка с ног свалит. Только с голыми руками «мадам» на людей никогда не бросалась – имела у нее милая привычка носить с собой деревянную колотушку, какой хорошие хозяйки мнут пюре из твердоклонированного картофеля. А еще чеснокодавилку, ее Роза использовала вместо кастета. Имелись в арсенале мадам и прочие твердые и тяжелые предметы кухонного обихода. Готовить Роза очень любила и посвящала этому всё свободное время. Считала, что девочек с улицы надо подкармливать – на кости только собаки бросаются, а никак не богатые мужчины. Поэтому на разборки и на обход района она выходила прямо из кухни. Забредшим сюда по досадной случайности чужакам можно было только посочувствовать. Полиция регулярно вывозила из района трупы с отпечатком молотка для отбивания мяса на лбу и следами скалки на изрядно помятых лицах.

К сожалению, что прихватила с собой Роза сейчас, определить было нельзя – руки она держала за необъятной спиной. А ведь кухонную утварь можно очень даже неплохо метать – и в этом деле мадам Свенсон также достигла большого мастерства. Поэтому поворачиваться к ней спиной и давать деру Цитрус считал неразумным. Вдруг у нее там разделочные ножи. Хрясь, хрясь – и она украсит его спину парой аккуратных стрекозиных крылышек. Только полет его будет коротким – в ближайшую лужу.

– Пожалуй, пойду, – проворковала Амалия и упорхнула, сделав «бубличному магнату» ручкой. – Позвони мне, Эдик, когда купишь билеты.

– Я всё верну... Бубличная фабрика, – безнадежно проблеял Эдик и осекся – сообразил, что Кухарка Роза разоблачит его в момент – о готовке и кулинарных обычаях разных планет она знает больше всех в Баранбау!

– Что, бубличная фабрика? Тебя взяли туда пробивать дырки, сладенький? Больше-то ты ни на что не способен. Только вот чем ты будешь их пробивать, когда я оторву тебе некоторые части тела? – Кухарка надвигалась. Руку она по-прежнему держала за спиной.

– Нет. Бубличная фабрика досталась мне в наследство...

– Идиот! – выкрикнула Роза так, что Эдик подпрыгнул. – Бубличная фабрика – это обычная пекарня! Бублики пекут так же, как хлеб. Батоны, булки, сайки, плетенки... Ты хочешь сказать, что тебе досталась в наследство пекарня? Да еще и в какой-то дикой глуши, наверное?! Отвечай немедленно, не пытайся запудрить мне мозги!

– На... на... – от волнения Цитрус начал заикаться. – Амальгаме-12...

– Действительно, страшная глушь. Планета рудокопов, где царит вечная ночь. Большинство тамошних жителей предпочитают питательные пайки А-7. И знаешь почему?! Потому, что они андроиды! А у людей на этой планете кухня крайне неразвита! Ни ресторанов, ни общей продуктовой сети...

Цитрус шмыгнул носом.

– Какая ты развитая, Ро... Розочка! Всё-то ты знаешь... – Он улыбнулся с жалким видом. – Скажи честно, откуда?! То есть я хочу спросить, ты, наверное, училась в кулинарном техникуме?..

– Да, о кулинарии я знаю всё, – с угрожающим видом проговорила Роза. – Я состою в ста двадцати семи интернет-сообществах, посвященных кулинарии, и в трех являюсь модератором! Не знаю я только одного, когда ты собираешься отдать мне четыреста рублей? Но я, кажется, знаю, как их получить!

– Только не бей, – выдохнул Эдик. Роза наконец-то перестала прятать руки за спиной, и Цитрус увидел, что в правом кулаке мадам Свенсон зажата колотушка – орудие, которым она владела в совершенстве и метала очень точно. Однажды на глазах у Эдика Роза зашибла этой или точно такой же колотушкой сумчатую крысу-мутанта размером с крупного кота. Одним броском. Шмяк. И нет крысы!

– Зачем же? – усмехнулась мадам Свенсон. – Не буду портить товарный вид. Ты будешь на меня работать.

– Работать? – поразился Эдик, который за свои двадцать пять лет не провел ни одного дня в созидательном труде, зарабатывая себе на жизнь исключительно аферами. – Картошку тебе чистить, что ли?! Или починить чего надо? А, может, ты хочешь устроить меня охранником в свое заведение?

Перед мысленным взором Цитруса пронеслись соблазнительнейшие картинки. Он охраняет девушек и, конечно, пользуется их благосклонностью. Вот только посетители... С ними, наверное, придется иногда драться. А если придет какой-нибудь громила Иванова, с пудовыми кулаками и тяжелой челюстью? Станет угрожающе шевелить ею! Нет, всё-таки, охранник – не слишком хорошая работа. Во всяком случае, ему, с его телосложением и душевной организацией, она явно не подходит.

– Охранять заведение?! Нет, нет... – Роза нехорошо улыбнулась, обнажив золотую фикса. – Твоя работа будет интереснее и приятнее. Я хочу предложить тебе очень легкий труд...

Выражение лица мадам сделалось настолько многообещающе пугающим, что Эдик едва не кинулся в позорное бегство. Сдержался только потому, что понимал – любое резкое движение, и колотушка будет пущена в ход.

– Ты хочешь сделать меня проститутком?! – прошептал догадливый Цитрус.

– Чем плоха подобная работа для такого негодяя и обманщика, как ты? К тому же, я не дам тебя в обиду злым дядям, мой сладенький! Годика за три-четыре расплатишься со всеми долгами... Черт возьми, да у меня просто очередь из бородавчатских дамочек стоит – никто не хочет их обслуживать! Вот ты ими и займешься.

– Я?!

– Да, ты, именно ты!

– Никогда! – выкрикнул Эдик.

Лицо Розы вытянулось. Губы сошлись в узкую складку над массивным подбородком.

– Ах, вот как, – проговорила она, – ну, что ж. В таком случае... – И картинно занесла колотушку над головой.

– Не надо! – Цитрус попятился. – Я всё отдам. Полиция... Полиция! – взвизгнул он, осознав, что привлечь внимание общественности – его единственная возможность уцелеть в передраге. – Помогите-е-е!

Крик его одиноко разнесся по пустынному кварталу. Роза совершила прыжок, достойный лучших участников Больших межгалактических игр, и ударила. Эдик закрылся левой рукой, и колотушка врезалась в кисть. Рука взорвалась болью. А Кухарка уже совершила новый выпад – стремительный и сильный. Эдик каким-то чудом успел убрать из-под удара голову, иначе колотушка попала бы точно в висок, развернулся и кинулся бежать зигзагами – опасался меткого броска. Роза ревела сзади, как неисправная пожарная сирена. Интуиция, которая не раз выручала Цитруса из беды, подсказала ему, что он сейчас погибнет, если срочно не предпримет что-нибудь.

Эдик рухнул на асфальт, отбив колени. Как раз вовремя. Колотушка просвистела над его головой и врезалась в витрину магазина «Межпланетный охотник». Стекло со звоном раскололось и осыпалось. Почти свихнувшийся от боли в сломанной левой конечности, Цитрус схватил первое, что попало под руку, – большой черный бумеранг для охоты на птиц планеты Австралион. Эдик развернулся всем телом. Топоча, с грохотом, достойным сталелитейного прессы, Кухарка Роза неслась вдоль улицы, выдернув из секретного кармана и выставив перед собой громадный кухонный тесак. Цитрус изо всех сил метнул свое оружие. Бумеранг, вращаясь, понесся к мамаше. Фа-фа-фа-фа-фа. Пролетел мимо ее массивной фигуры, поднялся выше и, описав дугу, полетел обратно к Эдику.

– Ой, – вскрикнул тот. Отпрыгнул назад, споткнулся о разбитую витрину и ввалился внутрь, рухнув спиной на осколки стекла. Не поранился только чудом. Перевернулся на живот и на четвереньках пополз внутрь темного магазина.

По случаю выходного дня хозяева отсутствовали. Кухарка вломила в магазин следом за Цитрусом. Тот сдернул со стойки и метнул в даму пару тонких копий. Одно вонзилось в покрытие пола, не долетев пары метров. Другое она отбила ножом, разрубив пополам. И снова понеслась вперед, несокрушимая, грозная, как буйство стихии.

Эдик успел схватить массивный электрошокер для охоты на слоноподобных существ с Целесты-4. Батареи, понятное дело, отсутствовали. Кухарка попыталась ударить его ножом в живот. Он встретил лезвие основанием электрошокера. Дзынь. Бамс. Дзынь. Удары посыпались на Эдика, словно из машины, стреляющей теннисными мячиками. Он едва успевал отражать выпады, не отводя взгляда от белеющего во мраке лица Розы. В темноте на нем пылали только глаза – злые и невыразительные, словно две красные пуговицы. Продолжая отбиваться, он отступал, предчувствуя скорый конец. Стоит ему упереться в стену, и она его достанет ножом.

Вдалеке вдруг взвыли полицейские сирены. Для Цитруса забрезжил смутный свет надежды на спасение.

«Молодец владелец, – подумал он, – поставил сигнализацию!» И тут же лишился последнего оплота обороны. Электрошокер после особенно сильного удара мясницкого тесака раскололся надвое. В отчаянии Эдик прикрыл живот сломанной рукой, согнулся пополам. И Кухарка всадила острие ножа прямо в больную кисть. Цитрус заорал благим матом, подхватил лежащий под прилавком капкан – не иначе, медвежий, – и запустил им в свою мучительницу. Капкан ударился о свирепое лицо, пластиковые челюсти клацнули, чавкнули. Послышался тошнотворный хруст. Массивное тело покачнулось... Еще раз. Ноги Розы подкосились, и она без звука завалилась назад.

– Я... я... я... – заговорил Эдвард. – Я что, убил ее... да?!

Он поднял к глазам искалеченную ладонь. Нож сидел в ней по самую рукоятку, пробив кисть насквозь. Рассмотрев, что произошло с его рукой, Цитрус почувствовал себя очень нехорошо и сполз на пол в глубоком обмороке...

В себя Цитрус пришел не в разгромленном магазине, а в каком-то светлом помещении. Открыл глаза и увидел двух полицейских и человека в белом халате.

– Вы нас слышите, обвиняемый? – строго осведомился человек в белом халате. – Можете говорить?

– Говорить... Говорить – да, это я всегда могу... Вы доктор? – с надеждой спросил Эдик. Рука сильно болела, но была забинтована – первую помощь ему всё же оказали.

– Нет, я прокурор, – покачал головой человек в белом халате. – Врачей мы попросили на некоторое время удалиться. Нам нужно снять с вас показания. Потому что речь идет о преступлении против человечности.

Эдвард откинулся на подушку и завращал глазами, делая вид, что ему совсем плохо. Так оно, в общем-то, и было. К тому же не мешало осмотреться.

– Действительно, Роза совершила страшное преступление против человечности и человечества, напав на меня, – вздохнул он. – Но, мне кажется, вы назвали меня обвиняемым?

– Так и есть, – кивнул прокурор. – Пока что в преступлении обвиняетесь только вы.

Комната была небольшой. Стены покрашены в небесно-голубой цвет, потолок белый, светодиоды хитро спрятаны – и не заметишь. Мебели почти нет – кровать, на которой он лежал, шкаф и несколько стульев. Копы и прокурор в белом халате стояли над ним. Как медицинский консилиум над важным пациентом. Интересно, а зачем прокурору понадобился белый халат? Если для соблюдения больничного режима, то почему полицейские в форме? Что она у них, стерильная, что ли?

– А у вас форма чистая? – не удержался Эдик. Повисла пауза.

– Отвечать на вопросы четко! – заорал неожиданно один из полицейских. – Не пытаться уклониться от ответа!

Цитрус вжался в койку. Ну и звери! Того и гляди избивать начнут!

– Я всё расскажу! – выкрикнул он и пожаловался: – Только рука очень сильно болит. Дайте обезболивающего, а?

Прокурор и полицейские переглянулись.

– Оно и к лучшему, – заметил прокурор. – Вот расскажешь всё, как надо, и сразу получишь обезболивающее. Скажи-ка, негодяй, где ты взял запрещенный к использованию в цивилизованном космосе капкан-присоску, растающий в тело? Мадам Роза очень страдает сейчас. Капкан не причиняет ей боли – он рассчитан на то, чтобы ловить дичь незаметно... Но с внешностью у госпожи Свенсон теперь большие проблемы... Не может же она ходить постоянно с капканом на лице? А удалить его можно только хирургическим путем. К тому же успех операции сомнителен.

Цитрус облегченно вздохнул и пробормотал:

– Ох, ну и напугали же вы меня, господин прокурор! Подумаешь, капкан! Эка невидаль, операция... Да с капканом Кухарке даже лучше будет. Страхолудную ее физиономию не так заметно! Я бы, на ее месте, всё так и оставил. Рот у нее открывается? Глаза видят? Ну и ладно.

– Капкан прирос к ушам, – сообщил один из полицейских. – Так что она почти ничего не слышит. Ты, подонок, хорошо целился. Не так ли?

– Подумаешь, уши, – беззаботно улыбнулся Эдик. – Пусть радуется, что жива осталась. Зараза. Она меня убить хотела!

– Вы не ответили на вопрос: где взяли капкан? – продолжил допрос прокурор. – Мало того, что вам вменяется хранение запрещенных предметов, мы можем обвинить вас в браконьерской охоте. Более того – в охоте на человека. Вы представляете себе статьи, по которым будет предъявлено обвинение? Браконьерская охота на человека! На женщину! С помощью запрещенного международной конвенцией охотничьего снаряжения! Пожизненная каторга – лучшее, чего сможет добиться защита! А наиболее реальным наказанием мне представляется полная стерилизация и повешение на суку мамбусианской пальмы.

Цитрус вытаращился на обвинителя. Несколько раз он пытался сглотнуть, но во рту совсем пересохло. Наконец ему удалось выдавить:

– Сте... стерилизация через повешение?

– Полная стерилизация и повешение, – любезно уточнил один из полицейских.

– По... полная?

– Именно. Через кастрацию.

– Зачем же меня стерилизовать, если всё равно собираетесь повесить?!

– Веревка может оборваться, – вздохнул прокурор. – По гуманным законам Баранбау в этом случае повешение заменяется пожизненным заключением. А где заключение – там и возможность сбежать... Дурные же гены, согласно нашим законам, не должны распространяться.

Эдик зажмурился, распахнул глаза и почти закричал:

– Пишите! Никакого капкана у меня не было! Охотиться я не собирался... Тем более, на госпожу... Не помню, как там ее фамилия. На Кухарку Розу, одним словом. Она гналась за мной, хотела изувечить. И изувечила. Вот, руку видели? А я схватил первый попавшийся под руку предмет. В магазине охотничьих принадлежностей.

– Быть этого не может! – заорал прокурор.

– Вот именно! – в один голос гаркнули полицейские.

– Почему? – удивился Эдик. После отключки он пока неважно соображал.

– Потому что магазин имеет все необходимые сертификаты. Он не мог торговать запрещенным охотничьим снаряжением, – объяснил один из полицейских. – Вот и владелец магазина заявил, что такого капкана в его заведении никогда не было и быть не могло.

– Как это?! – опешил Цитрус. – А вы смотрели все эти сертификаты?

– Уж будьте уверены, подозреваемый, – хмыкнул второй. – Ведь магазин принадлежит сыну уважаемого господина прокурора. За кем, как не за сыном, следит он больше всего? У кого, как не у него, образцовый магазин охотничьих принадлежностей? Найдутся сотни свидетелей, которые подтвердят, что никаких запрещенных капканов в магазине не имелось. Так что лучше вам рассказать всё, как было.

– Ну я и вляпался! – загрустил Эдик.

– Точно, вляпался, – почти сочувственно кивнул прокурор. – Поэтому думай, чмо болотное, где ты взял этот капкан. Сообразишь быстро – срок небольшой получишь. А будешь глупости всякие болтать, насчет того, что нашел этот капкан в магазине моего сына, заператься, скрывать от правосудия истинное положение вещей – стерилизация и веревка.

Цитрус едва не заплакал.

– Простите, а как вы меня называли, господин прокурор?

– Чмо болотное, – равнодушно повторил человек в белом халате. – Есть такая раса слаборазумных существ на Дельте Секстанта. Так вот ты на этих чмов очень похож. Но это лирика. Тобой тут интересовались весьма уважаемые люди. Швеллер и Иванов. Слышал про таких? Умоляли посадить тебя в одну камеру с их доверенными лицами. Я так думаю, до суда ты всё равно не доживешь...

– Как же быть? – пробормотал Цитрус.

– Ты ведь никогда не был на астероидах, Эдвард? Знаешь, там можно существовать вполне сносно, если на воле есть кому о тебе позаботиться. Смекаешь?

Мозг Эдварда лихорадочно работал. Да уж, угораздило его залезть в этот треклятый магазин! Да еще схватить из-под прилавка запрещенный капкан! И надеть его на голову Розочке! Но доказывать, что ты не мамбусианский хорек – себе дороже. Полиция и прокуратура заодно. Сунут в камеру с косками Иванова и никакого суда, никакого следствия. Придавят по-тихому. А если взять вину на себя – может быть, удастся отделаться небольшим сроком. Хотя прокурор ведь сам сказал: кастрация и повешение! Зачем же ему оставлять свидетеля? Почему они вообще не пристукнули его сразу? Видно, боятся всё-таки кого-то. Знать бы, кого!

– У меня есть сильные друзья! Авторитетные! – наугад выпалил Эдик.

– Он тупой, – покачал головой один из полицейских. – Пойдемте, господин прокурор. Пара дней в лазарете, а потом мы переведем его в общую камеру. К тому времени мы как раз подберем там нужный контингент. Этот хорек много кому задолжал на нашей планете...

– Я не тупой! Я всё расскажу! – взвизгнул Цитрус.

– Никому ты ничего не расскажешь, – покачал головой прокурор. – Вот если бы ты сейчас дал показания...

– Я дам! Расскажу, откуда у меня этот капкан! Он достался мне в наследство от бабушки! – выпалил Эдик.

– Это интересно, – заметил прокурор, поднимая полу белого халата и доставая из кармана пиджака стереокамеру. – Ну-ка, пригласите понятых. И пусть господин Цитрус расскажет

нам, как он планировал покушение на Розу Свенсон... Откуда тянутся корни, так сказать, их неприязненных отношений... Пожалуй, несколько лет на астероидах искупят его вину, в случае чистосердечного признания. В конце концов, мадам тоже искалечила подозреваемого...

В комнату вошли две хорошенькие девицы в белых халатах. Одна – пышноволосая, другая – бритая наголо. Но тоже очень ничего. И не поймешь – то ли медсестры, то ли помощницы прокурора. Может быть, тут все прокурорские работники ходят в белых халатах?

Все посетители расселись на стульях и с большим интересом уставились на Цитруса. Стереокамера в руках прокурора тихо жужжала, сканируя пространство помещения.

– Мой дедушка владел бубличной фабрикой на Амальгаме-12, – вздохнув, начал рассказ Эдвард. – Не так давно он умер и оставил мне неплохое наследство. Саму фабрику, счет в банке, фамильные драгоценности. И коллекцию охотничьего снаряжения. Дедушка был страстным любителем охоты.

– Интересно, – равнодушно кивнул прокурор. – На кого же он охотился, используя браконьерский капкан?

– На лис, – ответил Цитрус. Лицо прокурора помрачнело, и Эдик поспешил уточнить:

– На снежных лис с планеты Тартар. У них очень ценная шкура. Ее нельзя портить. А пробить их шкуру можно только лучевым оружием. Сразу в двух местах. Поэтому такой капкан – просто находка для охоты на снежных лис. Дедушка послал один из таких капканов мне. Надеялся, что я добуду ему лису – сам он уже был не в том возрасте, чтобы охотиться. Я всё время носил капкан с собой. Потому что никогда не знаешь, как обернется дело... Ну, то есть такой капкан – это ведь редкая штука. Да и в гостинице оставлять его глупо. А сегодня на меня напала Кухарка Роза. Весь район красных фонарей слышал, многие могут подтвердить. И я отбивался от нее, чем под руку попало. И бумеранг в нее бросал. А потом вытащил из кармана капкан и ударил ее. А он возьми и защелкнись. Вот.

– Вы находите этот рассказ правдоподобным, господа? – обратился прокурор к полицейским.

– Лучше бы было, если бы он сказал, что готовил покушение давно, – мрачно буркнул один из них. – Тогда у нас было бы раскрытие покушения на убийство. Ему-то всё равно уже...

– Ну, как же? – умоляюще скривился Цитрус. – Я ведь всё рассказал...

– Конечно, – зевнул прокурор. – Кстати, господа... Что за безобразие – подозреваемый без наручников!

– Да у меня ведь рука сломана! – закричал Эдик. – На нее нельзя наручник!

– На нее – нельзя, – вздохнул один из полицейских. – А на другую руку и на спинку кровати – очень даже можно.

Тут Цитрус понял – или пан, или пропал. С диким криком он вскочил с кровати, схватил здоровой рукой единственный свободный стул и швырнул его в окно. Огромное стекло раскололось с оглушительным звоном. Завизжали девушки, закрыл голову руками и отбежал подальше прокурор. Один из полицейских рванулся к Эдварду, другой лихорадочно расстегивал кобуру. А Цитрус уже выпрыгнул в окно и летел, летел на какой-то зеркальный свод.

«Ох, мама! Что же они тут понастроили, сволочи?»

Удар, еще более оглушительный звон – Эдвард пробил стекло. Еще несколько секунд падения – и он с громким плюхом ушел с головой в огромный бассейн.

«Живой! Слава тебе, покойный дедушка... Но где я? Да ведь это санаторий, – сообразил он, силясь поскорее выплыть на поверхность. – Я здешнему главврачу должен пятьсот рублей. Обещал доставить бильярдный стол из настоящего дуба для его кабинета. Задаток взял, а шикарного стола доктор так и не увидел... А в санаторий меня привезли потому, что он совсем рядом с кварталом красных фонарей. Ближе, чем больница, раза в три. А вид у нас с Розой, наверное, был неважный. Особенно у нее, хе-хе... Рука-то заживет».

В бассейне, по счастью, народа не оказалось. Дело шло к вечеру, пациенты все ужинали. Только и без свидетелей легавые сразу поймут, куда делся задержанный. А бегают они быстро...

Эдвард подгреб к лесенке, с трудом выбрался из бассейна. Плавать с одной рукой, а тем более лазить по лестницам – удовольствие ниже среднего.

– Подонки! Вкололи бы хоть что-то обезболивающее! – заорал Эдвард. – Попадётся вы мне еще, грязные скоты!

Оставляя на чистом кафельном полу мокрые следы, он помчался по пустым коридорам, мимо запертых дверей и удобных кожаных диванчиков. Так и хотелось опуститься на один из этих диванчиков и отдохнуть хотя бы чуть-чуть... Но расслабляться никак нельзя. Если он попадет в лапы к прокурору или местным копам – это смерть. Если его поймают громилы Швеллера или Иванова – тоже смерть. Если он попадет к доверенным людям Кухарки – смерть будет особенно мучительной.

– Валить, – сквозь зубы стонал Цитрус, – валить с этой проклятой планеты. Грязная планетка! Вонючие бородавчники!

Он резко остановился. У выхода из здания маячил охранник в черной форме. Рацию держал возле уха, хотя выплевываемые ею слова слышно было даже отсюда: «Задержать... опасный преступник... бдительность... оружие применять в случае крайней необходимости...» Эдик закрутился на месте, метнулся в один из коридоров и побежал по нему. Стал толкать подряд все двери – какая-нибудь наверняка окажется незапертой, через нее он попадет в комнату и вылезет в окно.

В санатории, между тем, начинался форменный переполох. Слышались крики и топот множества ног.

Заперто! Заперто! Заперто! Проклятие! Цитрус бился в дверь за дверью. Толкал плечом, скрипел зубами от накатывающей волнами боли – рука пульсировала. Вот, открыто! Ввалился в комнату и угодил в объятия массивной толстухи.

– Ты пришел, мой сладкий, – пробасила она, подхватила Эдварда на руки и понесла его куда-то.

– Ты что, выдра-а-а?! – завизжал он и забился в ее массивных лапах, как пойманная в сеть мелкая рыбешка.

«Выдра» швырнула Эдика на двухспальную кровать, сама бухнулась сверху, придавив его массивным бюстом так, что он не мог даже вдохнуть. Только захрипел придушенно и распахнул рот, чтобы глотнуть хоть немного воздуха.

– Пришел всё-таки, – жарко зашептала толстуха. – Шалунишка! Гадкий маленький пупсик! А я догадалась... да, догадалась сразу. Даже дверь не стала запирасть... так и знала, что ты придешь.

– Пусти... и... и, – прошипел Цитрус, голос его звучал, словно воздух, выходящий из пробитой шины. Он задержался всем телом, почувствовал, что дама шарит под своими необъятными телесами, нащупывая мужское достоинство Эдварда. В жизни ему приходилось бывать в разных передрягах, но никогда еще он не жаждал так вырваться на свободу, как сейчас.

Он сфокусировал свой взгляд на лице ведьмы, разглядел крупную, поросшую волосами родинку на кривом носу, подбородок, с которого она недавно, похоже, соскобила щетину. Бородатую женщину он видел второй раз в жизни. И первый – так близко.

Чудом извернувшись, Эдик ткнул пальцем в обезумевший от страсти глаз водянисто-зеленого цвета.

Толстуха заверещала, отпрыгнула назад. Цитрус выпущенным из пращи снарядом ринулся к окну, распахнул его и, не глядя, сиганул на улицу. Угодил в полные доверху помойные ящики, повалил их, большая конечность погрузилась в зловонную жижу. Содержимое ящиков расплескалось по асфальту. Эдвард прокатился по нему, скользя, как по льду. Некоторое

время он лежал, не двигаясь – не мог прийти в себя от охватившего всё его существо чувства глубокого омерзения. Затем что-то взорвалось неподалеку, обдав его дождем осколков. В десяти сантиметрах от своего носа Эдик разглядел горлышко пивной бутылки. Повернул голову и увидел, что обиженная толстуха метит в него очередной стеклопосудой. Бросок. Цитрус вскочил на ноги, оскальзываясь на банановой кожуре и арбузных корках, поспешил прочь.

Из внутреннего двора санатория, миновав железные ворота, он выбежал стремительно, стряхивая с себя текущую с рукавов мерзость, и наткнулся на одного из копов. С такой силой, что тот даже охнул, когда Эдик врезался в него на полном ходу и обхватил здоровой рукой. Пару мгновений мужчины стояли, обнявшись, потом Цитрус попятился. Коп устоялся на свою безнадежно испорченную форму – всю в потеках зловонной жижи. Тяжелые, мутные капли стекали и падали на форменные ботинки. Придя в себя от шока, он поднял красное от гнева лицо на преступника. Но того уже и след простыл.

Эдик бежал что было сил. Звук полицейской сирены лился со всех сторон оглушающей симфонией большой охоты. Еще недавно браконьерствующий охотник на людей, вооруженный запрещенным капканом, он сам в считанные секунды превратился в дичь. Мозг лихорадочно искал выход. Куда податься? Где скрыться в городе? Космодром?! Там, наверное, уже толпы полицейских патрулей. Оцепление. Когда власти объявляют план-перехват, в первую очередь перекрывают космодромы, вокзалы и станции катеров. Основная задача – не дать преступнику смыться из города.

Впереди замаячил знакомый силуэт. Огромный и лохматый, похожий на обезьяну коск по кличке Лапша, один из немногих на Баранбау представителей опасной и непредсказуемой расы рангунов – второй по распространенности в галактике после людей. Лапша работал вышибалой у ростовщика Зюзина. Этого персонажа Эдик желал видеть меньше всех на свете.

– Эй, Цитрус, – закричал Лапша, – ты-то мне и нужен!

– Да что вы все, сговорились, что ли?! – вскричал Эдвард и попытался обежать рангуна по дуге. Но тот ринулся ему наперерез. Силы и скорости Лапше было не занимать. Он взвился в воздух, как лучший форвард команды по Мертвецкому рэгби на Больших межгалактических играх. Сбил Эдика с ног и потащил за шиворот в ближайшую подворотню. Цитрус попытался подняться, но рангун прижал его коленом к земле.

– Так, Цитрус, – заявил Лапша, – ты у Зюзина деньги под проценты брал?

– Брал, – обреченно пискнул Эдвард.

– Я ж тебя предупреждал, что Зюзин – это тот же я, только не такой страшный с виду. А на самом деле – еще страшнее. Так?

– Ну, так, – буркнул Эдик и взмолился: – Честное слово, Лапша, мне сейчас не до вас с Зюзиным.

Ему казалось, что копы вот-вот появятся из-за поворота и защелкнут наручники у него на руках. Хотя наручники – это далекая перспектива, а бешеный рангун – вот он, рядом.

– На меня сегодня весь город ополчился, – пожаловался Эдик и продемонстрировал искалеченную левую руку, – гляди, что со мной сделали.

– Пальцы за долги режут? – с пониманием хмыкнул Лапша. – Это правильно. Таких, как ты, учить надо. Жестоко, но справедливо. Вот скажи мне, Цитрус, ты дурак или жить совсем не хочешь?

– Я дурак, – с готовностью согласился Эдик, – только отпусти меня.

– Нет, Цитрус, – скорбно ответил рангун, – не могу я тебя отпустить. Потому что достал ты Зюзина вконец. И сейчас я тебя буду учить уму-разуму, чтобы ты понял, что долги надо отдавать. Давай-ка сюда свою руку.

– Какую?

– Да вот эту самую. В бинтах.

– Ты что? Не надо...

– Надо, Цитрус, надо.

Лапша ударил Эдика в лицо – не очень сильно, чтобы тот ненароком не вырубился. Потом поднялся и наступил лежащему Цитрусу на больную руку тяжелым ботинком.

Эдвард закричал от боли, засучил ногами по асфальту.

– Нравится? – поинтересовался Лапша. – А ты как хочешь?! Думал, долги отдавать не будешь – и всё у тебя в жизни сложится хорошо? Нет, кончилось твое хорошо. Навсегда кончилось. Будешь, падла, знать, как обижать честных людей.

Эдик извивался и едва не плакал, потом взревел, как свихнувшийся мамбусианский хореk, и пнул рангуна между ног. Получилось удачно. Тот охнул от неожиданности, схватился за промежность, но с несчастной руки Эдварда не сошел, пока не услышал, как совсем рядом взвыла сирена.

– Копы! – выдавил он и заторопился прочь, не отнимая лохматых ладоней от ушибленного места. – Ну, я тебя еще достану, гнида!

Цитрус вскочил и, придерживая больную руку, побежал следом. Поравнявшись с ковыляющим Лапшой, он от души пнул его под зад. Зад оказался таким твердым, что Эдик ушиб ногу. Прихрамывая, прибавил шаг. Рангун взревел, но броситься вслед за наглецом не смог – бессильно погрозил ему кулаком и заковылял дальше.

На бегу Эдвард обернулся и увидел, что пара копов заломили рангуну лапы, другие, вынимая на бегу парализаторы, бегут за ним.

Эдик свернул за очередной поворот. И здесь удача наконец-то улыбнулась ему. На площади Согласия проходила шумная демонстрация, собралось не меньше двухсот человек. очередной мусонский митинг. Мусоны по всей Галактике боролись за права трудящихся, и не только трудящихся, но и всяких меньшинств, требовали отставки сената Межпланетного братства и назначения на роль главы сената их лидера – Адольфа Шимлера. Шумные выступления мусоны устраивали регулярно. Но демократическое правление Межпланетного братства со свойственным всем демократическим правлениям демократизмом не обращало на митинги никакого внимания. В свободных мирах цивилизованного космоса всякий занимался тем, чем хотел. Пока мусоны не призывали к беспорядкам и не проливали кровь, к ним относились терпимо. А если где-то на краю Галактики они и проливали чью-то кровь – властям Баранбау не было до этого никакого дела.

Щуплому невзрачному Эдику легко удалось затеряться в толпе. Своей ординарной внешностью он по праву гордился – с таким лицом и фигурой можно в любом многолюдном сборище сойти за своего. Главное – правильно себя вести и не привлекать к себе лишнего внимания. Он подхватил край красочного транспаранта «Долой сенат!» и принялся хором с остальными выкрикивать: «Свобода, равенство, братство для разумных и цивилизованных существ!», «Бородавочников – в резервации!», «Долой продажных сенаторов и главу сената!», «Адольфа Шимлера в сенат!».

Несколько полицейских, позевывая, стояли по краям площади – наблюдали за тем, чтобы митинг проходил спокойно. Хотя мусоны на Баранбау не позволяли себе ничего, что выходило за рамки закона, ходили слухи, что Адольф Шимлер, страдающий легкой формой шизофрении, время от времени приказывает своим сторонникам провоцировать массовые беспорядки. А на некоторых планетах мусоны создали боевые отряды и вели настоящую партизанскую войну. Правда, в этом случае они прикрывались активистами местных организаций – попробуй, докажи, что за всем стоят именно мусоны!

Выступая по стереовидению, Шимлер набрасывался на своих оппонентов с желчной и яростной критикой, пользуясь для того, чтобы доказать свою правоту, зачастую не только вербальной аргументацией, но и кулаками. Безобразная драка Шимлера с представительницей партии феминисток Марией Тверской вошла в историю. Тверская оттащила лидера мусона за уши, он, в свою очередь, укусил ее за левую грудь, использовав невысокий рост в качестве пре-

имущества. Впрочем, много он на этом не выиграл – только сломал зуб о прекрасный силиконовый наполнитель с углеродистыми волокнами.

Несмотря на явную неадекватность лидера, обществу мусонов каким-то образом удалось поддерживать видимость нахождения в правовом поле. Оно постепенно разрасталось, находя всё новых сторонников по всей Галактике.

Вскоре на площади объявились запыхавшиеся преследователи Эдика. Копы с красными лицами забегали по периметру митинга, выглядывая беглеца в толпе. Парочка полицейских попробовала пробраться в центр площади, но митингующие обругали их нехорошими словами и вытолкали взащей. До Цитруса донеслись сердитые голоса: «Нарушение гражданских свобод», «Попрание прав трудящихся». Кто-то, менее подкованный в политических лозунгах, гаркнул на всю площадь: «Совсем легавые оборзели!» Едва не завязалась драка. Но полицейские быстро сообразили, что не стоит реагировать на агрессивные выпады. Новых попыток проникнуть внутрь толпы мусонов они предпринимать не стали, продолжая кружить вокруг, словно стая стервятников.

Эдвард постарался стать меньше ростом, сгорбился, спрятал лицо за портретом Адольфа Шимлера, размышляя о том, как хорошо, что у лидера мусонов такая широкая физиономия – за ней не то что его, целый отряд космокасторжников спрятать можно.

И тут его кто-то тронул за локоть – здоровой руки, по счастью. Цитрус затравленно оглянулся. На него большими зелеными глазами глядела симпатичная круглолицая девушка. Темные прямые волосы расчесаны на пробор. На вид девушке было не больше двадцати. «Да что там двадцати, – подумал Эдвард, – ей, наверное, и восемнадцати нет! Пластическая хирургия достигла, конечно, значительных высот, только выражение глаз ведь всё равно не подделаешь. Глаза всегда выдают старух с гладкой кожей и высоким бюстом».

«Еще одна кредиторша?» – промелькнула мысль в мятущемся сознании Эдварда. Нет, девушка выглядела слишком наивно, чтобы быть проституткой. Так что же ей от него надо?

– Ты ранен, друг? – поинтересовалась девушка, указывая глазами на истерзанную руку Цитруса.

– Да, – не стал записываться Эдик. – Упал неудачно.

– О! – воскликнула девушка. – Скромность! Нечасто встретишь такое в наше время. Зачем же ты пришел на митинг? Я сразу поняла, что ты – из боевого отряда. А мне так нравятся парни из боевых отрядов! Тебе, наверное, досталось на Цирцении?

Аферист оглядел девицу с головы до ног. Туфельки на высоком каблуке, джинсы, нарочито порванные в нескольких местах, блузка с глубоким вырезом. Кожа белая, нежная... И эти огромные глаза! Нет, девочка явно работает за идею! С такими людьми просто общаться, если иметь соответствующий подход.

– Да, – Эдик посчитал, что спорить бессмысленно. Если уж он решил выдавать себя за мусона, то нужно делать это с максимальной пользой. – С космодрома сразу на митинг. Только что подошел. Хотел найти верных людей.

– Отлично! – воскликнула девушка. – Ты их уже нашел! Я сейчас отведу тебя к секретарю...

– Нет! – воскликнул Цитрус. – Только не это!

– Почему?

– В рядах организации скрывается предатель. Мне нельзя общаться ни с кем из руководства. Нельзя знакомиться со всеми. Сдадут копам – и крышка. Кастрируют и расстреляют. Хорошо, что я встретил тебя. Поможешь мне найти убежище?

– Конечно! – Глаза девушки восторженно загорелись. Как же, настоящее дело...

– Ты не можешь быть предателем, – зачастил Цитрус. – Я тебе верю. И во всём положусь на тебя! Ведь ты мне pomoжешь, милая? Как тебя, кстати, зовут, красавица?

– Марина.

– Какое приятное имя! Была у меня одна Марина... То есть я не это, конечно, хотел сказать. А я – Эдвард. И мне нужно что-то сделать с рукой. Страшная боль.

Он продемонстрировал девушке замотанную бинтами конечность. Что и говорить, выглядела она неважно. Изогнута под неестественным углом, бинты пропитались кровью, а сверху – приличный слой грязи... Поэтому бинт не видно издалека. Будь он белым, заметным, копы давно вытащили бы Эдварда из толпы.

– Тебе повезло – я учусь в медучилище. На первом курсе, – объявила Марина. – Умею делать перевязки...

– А больше ты ничего не умеешь делать? Массаж, например? – не сдержался Эдвард. Недаром же его звали Болтуном!

– Нет, массаж мы еще не проходили...

– Искусственное дыхание рот в рот?

– Это да. Если ты упадешь – я не оплошаю. Но крепись! Мы постоим еще часик-другой – и сможем уйти вместе со всеми. Нас никто не заметит. Я помогу тебе.

Цитрус посмотрел на небо. Стоять вместе с сумасшедшими мусонами еще два часа... Хорошо хоть солнце перестало палить. Вечер, да и тучи сгущаются. А девчонка так и прыгала вокруг, прижималась к здоровому боку. Хоть что-то приятное в этой мерзкой ситуации.

– Эдвард, а расскажи, как было на Цирцени? Тебя ранили? Из лучевой винтовки? Как ты выбрался?

– Угнал катер военных, – отозвался Цитрус. – Отстреливался. Положил много легавых. Только я не хочу сейчас об этом вспоминать. Рука очень болит. У тебя нет какого-нибудь обезболивающего? Хотя бы цитрамона? Или но-шпы?

– Есть отличное обезболивающее! – радостно отозвалась девушка. – Я всегда с собой ношу. Дать?

– Да! – заорал Эдвард. – Что же ты раньше молчала, подруга, черт побери? Я так страдаю! А ты только жмешься ко мне!

Девушка обиженно захлопала глазками, но вслух сказать ничего не посмела. Достала из сумочки лекарство.

Схватив пластиковый контейнер с оранжевыми капсулами, Цитрус проглотил сразу четыре штуки. Через пять минут боль отступила. Правда, соображать стало тяжелее.

– Спасибо тебе! Ты спасла меня, – выдавил Эдвард.

– Я понимаю, как тебе тяжело, – опустила уголки губ Марина. – Ты суровый мужчина...

– Да. Жизнь заставляет, – вздохнул Эдик. – Привык к партизанской войне. Бываю груб. Прости меня.

– Что ты! Это мой долг! – целуя Эдварда в грязную щеку, заявила Марина. – Будем делать вид, что мы влюбленные. К парам полицейские цепляются не так сильно, как к отдельным людям.

– Хорошо, – вздохнул Эдвард, обхватывая девушку здоровой рукой немного ниже талии. От четырех таблеток сознание плыло, словно в наркотическом дурмане. Интересно, что это было за обезболивающее? Надо бы запомнить название и прикупить при случае...

С неба начали падать крупные тяжелые капли. Пара минут – и дождь полил как из ведра. Мусоны стояли твердо, держа над головой плакаты с портретом своего лидера. Полицейские попрятались под тентами летних кафе, зашли в подъезды и в магазины. Марина достала из сумочки зонт – правда, двоим под ним явно было мало места, даже если стоять обнявшись.

– Дождь организовали специально, – сообщила девушка. – Чтобы не дать нам провести митинг.

– Как – специально? – удивился Эдвард.

– Послали самолет с реагентами, который заставил тучи разразиться дождем именно на площади. На праздники тучи разгоняют, а во время наших митингов, наоборот, сгоняют. Продажные синоптики! Продажная мэрия! Все вокруг продажные!

– Точно, – кивнул Цитрус. – И копы продажные, и прокуратура, и даже женщины! То есть некоторые, хотел я сказать... Может, свалим отсюда? Ты меня приютишь?

– Конечно. А идти... Да, идти лучше сейчас. Побежали!

Сняв туфли на высоком каблуке, девушка зашлепала по лужам, обняв Эдварда за плечи. Тот трусил, стараясь не высовываться из-под зонта. Со стороны они представляли собой идиллическую картину. Молодые влюбленные голубки, которым надоел митинг.

– Ты живешь одна? – поинтересовался Эдик.

– Нет, что ты... Мне не по карману снимать квартиру одной. Я живу с подругой. И с ее другом.

– Опа! – хмыкнул Цитрус. – Прямо вот так втроем и живете?

– Ну да. Что же в этом такого?

– Да нет, ничего... Они тоже мусоны?

– Нет, они – анархисты.

– И как настоящий мусон, то есть мусонка, может делить постель с анархистами?

Девушка открыла глаза так широко, как, казалось, уже нельзя.

– Что ты, Эдвард, какая постель? У нас даже комнаты разные. Только кухня общая. И ванная.

– Ах, вот как. Это лучше. Нужно соблюдать конспирацию. И дистанцию. С представителями других партий, естественно. Своим-то всё можно. Мусонке переночевать у мусона – всё равно что выпить стакан воды...

Жила Марина в небольшом восемнадцатизэтажном доме с десятью подъездами, на седьмом этаже. Дверь в квартиру – стальная, с маленьким «глазком». Девушка открыла ее своим ключом-карточкой, поманила Эдварда за собой. Откуда-то из дальней комнаты доносились громкие страстные стоны.

– Что это? – насторожился Цитрус.

– Соседи. Не думали, что я приду так рано, – покраснела девушка. – Обычно митинги длятся до самой ночи.

– Смущать такое невинное создание! – хмыкнул Эдвард. – Ничего, мы им отомстим сегодня ночью. Правда, детка?

– Что ты имеешь в виду? – захлопала глазами Марина.

– Я имею в виду, что рука у меня будет болеть... И ябуду страшно скрипеть зубами. Может быть, даже выть. Не боишься?

– Нет! – смело заявила девушка.

– Вот и умница. А сейчас пойдем к тебе. Займемся раной!

В комнатке Марины царила по-настоящему спартанская обстановка. Узенькая кровать, маленькая тумбочка, маленький шкафчик, совсем маленький столик – и большая плазменная панель монитора над ним.

– Включить «новости»?

– Как хочешь, – вздохнул Эдвард. – Ты говорила, что сможешь перебинтовать руку? Давай займемся этим быстрее. И вообще, препарат у тебя отличный – но не можешь ли ты вколоть мне еще какое-нибудь обезболивающее?

– Сейчас посмотрим.

Девушка сняла грязные бинты, наложила на руку обезболивающий и дезинфицирующий гель, невесть откуда взявшиеся ровные палки – не иначе, юная медсестра только и мечтала о том, чтобы оказать помощь первому попавшемуся больному с переломом – и замотала руку быстрозатвердевающим бинтом.

– Клево, – выдохнул Эдик. – Совсем не болит. Дай-ка я поблагодарю тебя, солнышко!

Он перегнулся через столик и поцеловал Марину в губы. Девушка не сопротивлялась, но и на поцелуй не ответила. Поди, разбери, что этим мусонам нужно! Стоны за стеной слышались с новой силой.

– И как ты здесь живешь? – хмыкнул Эдвард.

– Они думают, что меня нет, – вновь потупилась хозяйка.

– Вообще? Что ты здесь не живешь? Настолько не видят ничего вокруг?

– Да нет же, что меня нет дома сейчас. Я должна была прийти позже.

– Понятно. А оружие у тебя имеется?

– Два брикета пластиковой взрывчатки. По два килограмма тротилового эквивалента каждый. Мне доверили хранить часть арсенала.

– Эх, я бы предпочел лучемер или хотя бы парализатор.

– Еще есть электрошокер. Но он совсем маленький и не очень мощный.

– Ладно, потом продемонстрируешь...

Эдвард подумал немного и плюхнулся на кровать, поманил девушку:

– Иди сюда, отдохнем немного. Нам предстоит тяжелая ночь.

– Ты разве не будешь отдыхать?

– Нет, конечно! Отдышусь и двину на космодром. Баранбау – всего лишь перевалочная станция. Я заметаю следы... А вообще, мой путь лежит на Амальгаму-12. Там дедушка оставил мне в наследство бубличную фабрику...

Эдвард осекся, поняв, что болтает лишнее. Еще немного – и он сам поверит в эту бубличную фабрику и в дедушку-бубличника. С другой стороны, и девчонке не летает запудрить мозги. Пусть все будут уверены, что он летит на Амальгаму. В том числе и мусоны. Интересно, а что сказали бы мусоны, узнав, что сын прокурора Баранбау торгует запрещенными капканами? Вот уж скандал бы поднялся так скандал! На всю Галактику! Да только раздувать его сейчас не слишком разумно. Если бы не Иванов и Швеллер, и не Роза Кухарка – дело другое...

– Может, ты хочешь искупаться? – спросила Марина.

– От меня разит, да? – поинтересовался Цитрус. – Сильно?

– Ну, не так, чтобы очень... Но кое-какой запах имеется. Видно, тебе тяжело пришлось в пути.

– Пришлось ехать в мусоровозе, – кивнул Эдик. – С толпой грязных, как черти, борцов сопротивления. Пойдем, покажешь мне ванную. И заодно потрешь спинку. Да и всё остальное тоже. Я же не смогу мыться одной рукой? А ты медсестра, надо привыкать.

– Пойдем, – решительно кивнула девушка. Ванна в дешевой квартире Марины оказалась сидячей, квадратной.

– Не разгуляешься, – вздохнул Эдик. И деловито принялся раздеваться. Скинул рубашку, расстегнул ремень брюк и вдруг застеснялся. Скомандовал деловито: – А ну-ка, отвернись. Ты, хоть и медик, но пока без диплома! Медикам без диплома глядеть на голое мужское тело не полагается.

– Почему?

– Смущаются сильно. Краснеют так, что становятся похожи на помидоры. Так что давай, отворачивайся.

Девушка пожала плечами и послушно повернулась к стене, где тощая тень бойца сопротивления нагнулась, вытаскивая из штанин сначала одну, а потом другую ногу, и шагнула в ванну, растягиваясь к потолку.

Эдвард устроился поудобнее, здоровой рукой прикрыл до поры до времени мужское свое достоинство, а забинтованную положил на край ванны.

– Можешь смотреть, – милостиво разрешил он. Девушка повернулась.

На лице ее промелькнуло разочарование. Вместо мускулистого тела бойца невидимого фронта, покрытого шрамами, она увидела худое тельце человечка, который всё свободное время проводил за игорным столом.

От Эдварда не укрылось недовольное выражение лица Марины. Он нахмурился и сделался груб:

– Чего встала?! С одеждой надо что-то сделать, наверное?! Не видишь, она вся грязная. На передовой меня это, конечно, не волновало. Но здесь я в грязном ходить не согласен.

– Да, конечно, – ответила девушка, взяла брюки и рубашку и сунула в допотопную стиральную машину «Эврика-2100», встроенную в стену.

Основным достоинством древнего агрегата был мощный магнитно-гидродинамический двигатель. Раньше такими снабжались вездеходы венерианских колонистов. А потом игрушечные танкетки для детишек богачей со всей Галактики. Малютки устраивали понарошку масштабные танковые баталии, разнося в щепки домики жителей беднейших кварталов, пока танкетки не запретили специальным указом сената.

Марина нажала кнопку. Машина загудела, наполняясь водой. Барабан завращался. В нем крутились черные брюки Эдика и рубашка из лемурийского шелка.

– Долго я тут буду сидеть?! – проворчал он. – Холодно, между прочим. У меня мурашки по коже. Врубай воду, бездельница.

Девушка нажала кнопку, и сверху на Цитруса хлынули потоки теплой ароматной влаги.

– Хорошо-то как! – сказал он и расслабился, вытянул ноги. – Так, ты давай, начинай меня намывать, что ли...

– Да, конечно, – ответила Марина, но вместо того, чтобы заняться делом, почему-то попятилась к двери. – Подожди одну минуту, я сейчас вернусь.

– Ну, ты чего?! – нахмурился Эдик. – Ты – боевая подруга или как?! Я уже сижу, готов ко всему, понимаешь, а она куда-то там собралась... Несерьезно это! Не по-товарищески!

Девушка выскользнула за дверь.

Стесняется при мне раздеваться, – понял по-своему ее стремительное бегство Цитрус, – молодая еще. Ничего. Все они поначалу молодые и неопытные. Пообщаемся с ней. Научу ее всяким штукам. Будет то, что нужно. Станет настоящей боевой подругой для такого классного парня, как я.

Эдик потянулся к теплым струям воды, разомлел, повернулся на бок. В шуме воды он даже не заметил, как скользнула в дверь Марина, вооруженная электрошокером. Его привел в себя заряд тока в левую ягодицу. Эдик взвился и заорал: «Ой-ой-йо-о-о!»

– Ты что?! – он всем телом повернулся к девушке, покрутил пальцем у виска: – Совсем сдурела? Это массаж такой?

– Кто ты? На кого работаешь?! – поинтересовалась Марина и показала на область ниже пупка, так что Цитрус сразу вспомнил, что он абсолютно голый, и закрылся руками.

– Как кто?.. – спросил он, мучительно продираясь сквозь туман в голове, вызванный принятием обезболивающих таблеток, и соображая, что он сделал или сказал не так. – Я этот... я борец сопротивления. Мусон из театра боевых действий... Работаю на сопротивление. И на себя, конечно. Вот, Роза Кухарка хотела меня припрячь, но я не дался! Как самый настоящий мусон... А что такое?

– Нет, – покачала головой девушка. – Ты не мусон.

– Самый настоящий мусон, – Эдвард затряс головой. – Мусонистее и не придумать.

– Где же твоя татуировка? – она окинула его взглядом ниже пояса.

– Та... татуировка? Ну-у-у... Так я ее свел. Да. Чтобы враги случайно не узнали, что я мусон, взяв меня в плен.

– Мусоны из боевых подразделений не сдаются в плен. Ты – лжец, – констатировала Марина и ткнула обманщика электрошокером, так что он затанцевал в квадратной ванне, а затем взмолился:

– Мариночка, не надо, пожалуйста... Я всё расскажу.

– Расскажешь всё нашему секретарю! – отрезала девушка. – Как выдавал себя за мусона и какие цели преследовал. Ты сексот, так ведь?

– Секс...от, – пробормотал Эдик, – и до... Ну да, это на меня похоже.

– Так я и знала, – констатировала Марина, – вылезай из ванны, мерзавец.

– А может, не надо?

– Надо...

– Хорошо, – Эдик перешагнул через край, стал на кафельный пол и пожаловался: – Холодно.

– Мне на это наплевать! – отрезала девушка.

– Где твое милосердие? Где хваленое девичье добросердечие?!

– Там же, где твоя совесть, – она сделала угрожающий жест электрошокером, и Эдик отпрыгнул. – Пошли!

– Ты что, голым меня поведешь? – ужаснулся Цитрус.

Марина кивнула. По решительному выражению ее лица было понятно, что она не шутит и действительно собирается провести его через весь город голым.

– Да ты что?! – вскрикнул Эдик. – Фашистка проклятая! Совесть у тебя есть?

– Пошли! – повторила девушка. На сей раз электрошокер впечатался в больную руку «сексота». Издав сдавленный крик, он поспешно выбежал из ванной. Девушка последовала за ним.

Дверь комнаты напротив приоткрылась. Из нее выглянул лохматый парень.

«Анархист», – вспомнил некто Эдик.

– Что там такое, Вова? – послышался недовольный девичий голосок. – Куда ты? Я хочу еще!

Анархист насмешливо оглядел голого Эдика, трясущегося от холода, и соседку с электрошокером в руке и крикнул:

– Ничего, милая, это Маринка развлекается. – Подмигнув ошалевшему Эдику, парень скрылся.

– Пошел, – мусонка толкнула Цитруса к входной двери.

– Ботинки хотя бы дай, – сдавленным шепотом попросил он.

– Нет! – ответила девушка.

На лестничной площадке, возле воздушного лифта в этот час было оживленно. Пара бородатых мужчин в очках вели научный диспут. Рядом с ними стояла, потягивая пьянящий колосок, одетая с изысканием пожилая дама. В лице ее читалось безразличие и усталость. Было заметно, что диспут ее не увлекает, и ей отчаянно скучно.

Увидев голого Эдварда и его подругу с электрошокером, дама заметно оживилась. Колосок выпал из ее руки и покатился, дымясь, по полу. Мужчины прервали диалог и уставились на странную парочку, что называется, во все глаза.

– Чего смотрите?! – пробормотал Эдик, обращаясь к бородачам. – Нравится, когда вашего брата унижают? Помогли бы лучше. Эта, – он кивнул на девушку, – маньячка сексуальная. Поймала меня, накачала наркотиками, а теперь вот пытается... – Поскольку его слова не возымели никакого действия, он выкрикнул: – Да помогите же мне!

За что немедленно получил удар электрошокером под лопатку. Заряд едва не свалил его. Марина втокнула нетвердо держащегося на ногах бледного Эдика в шахту и сама шагнула следом.

Они мягко приземлились на первом этаже. Вышли из подъезда и побрели по освещенному яркими фонарями городу. Цитрус шел, низко опустив голову, прикрыв руками причинное место, и размышлял о том, что, в принципе, если подумать, ничего такого страшного нет в том, что половина Баранбау увидит его голую задницу. Загорают ведь на пляжах по всей Галактике нудисты. А некоторые галактические расы совсем не стесняются своей наготы. Взять хотя бы ландиков – у них органы размножения находятся на лице. Ходят себе, трясут ими под носом, и ничего. Даже считают, что рот на лице – это мерзко. А что-то другое – очень даже к месту.

Эдик огляделся вокруг и пришел к неутешительному выводу, что они привлекают всеобщее внимание. Вскоре за серьезной девушкой с электрошокером и тощим голым мужиком следовала целая толпа зевак. Одни горели желанием, чтобы она его ткнула побольнее, другим было жалко Эдика, и они кричали, чтобы девица немедленно отпустила парня. Ни те, ни другие, впрочем, активных действий не предпринимали. Только строили предположения, за что она его сцапала и куда ведет.

Цитрус смекнул, что, если так дальше пойдет, до секретаря мусонов они не дотянут. Скоро их попросту сцапает полиция, как нарушителей общественного порядка. Попасть в полицию для него равносильно смерти.

Стараясь не наступить на стекло, Эдик уныло шлепал босыми ногами по тротуарам Баранбау, осознавая, что жизнь его кончена. И даже классная идея с дедушкиным наследством ему больше не поможет. Угораздил же его черт столкнуться с этой фанатичкой. А он-то радовался – идеалистка, будущая боевая подруга. Раскатал губы, дурак.

В тот самый момент, когда он размышлял о том, что не сделал даже никаких распоряжений насчет собственных похорон, наперерез Эдварду, перекрыв дорогу, вырулил, упав сверху, черный пятнадцатиместный катер. Дверь распахнулась, и на асфальт попрыгали ребята Иванова.

«Быстро разобрались с полицией», – подумал Цитрус.

Сам босс вышел последним, по организованному для него живому коридору. Приблизился к Цитрусу, который стоял ни жив ни мертв в позе футбольного игрока перед пенальти. Марина посверкивала глазами, но пока ничего не говорила. Только толпа зевак за их спинами шумела, предчувствуя новое занятное зрелище.

– Вот и попался, гад, – улыбнулся с довольным видом Иванов, поигрывая крепкими мускулами.

– Он сексот, да? – предположила Марина, оценив габариты Иванова и приняв его за настоящего борца сопротивления.

– Да вроде того, – задумчиво пробормотал Иванов. – А ты кто такая, крошка?

– Я – сочувствующая!

– О! Хороша сочувствующая... Поймала, значит, гада-сексота! Я тебе премию выпишу, милая, как только мы его отведем, куда следует, и сделаем с ним такое, что ему самому можно будет посочувствовать. Ага.

– А вы... – начала Марина.

– Ох ты, мать моя! – крикнул Иванов, увидев, что поодаль сели красные спортивные катера, из них попрыгали на землю бандиты и сам Швеллер.

– На тебя жалко смотреть! – констатировал бандитский главарь из конкурирующей группировки, разглядывая худое тело Эдика с внимательным отвращением.

– А вы кто? – спросила Марина. Низкорослый Швеллер вызвал у нее куда меньшее доверие.

– Конь в пальто, – хохотнул Иванов.

– За коня ответишь, – нахмурился Швеллер. – А ты – цыц, козявка! – главарь смерил девушку сердитым взглядом. – Я тебе слова не давал.

Цитрус вздохнул – удача снова его оставила. Оглядел толпу. Вдруг там сыщется какой-нибудь герой, который захочет ему помочь. На переднем плане вместо отважного героя он увидел Лапшу. Приблизиться рангун не решался – не ладил с громилами Иванова, но издалека погрозил Эдику кулаком и красноречиво провел ладонью по горлу – мол, всё, не жить тебе больше, Цитрус.

«Все собрались, собаки, посмотреть, как меня разделявать будут, – пробормотал Эдик, – только прокурора не хватает, и продажных копов вместе с ним».

– Скажи-ка мне, дружок, – проговорил Швеллер торопливо, – насчет дедушкиного наследства, ты ведь меня обманул, не так ли? Не было наследства? Да?

– Было, – неожиданно вмешалась Марина. – Он собирался сбежать на какую-то Амальгаму. Воспользовавшись моим доверием. Подлец! Скажите, а вы из полиции?

– Мы-то? Ясное дело. Слуги закона, вестимо, – улыбнулся по-отечески Швеллер. – Разве ж по нам не видно?

– Ну да, – подтвердил сиплым голосом Иванов, – в законе мы.

Марина растерянно оглядела представителей бандитских шаяк. Сомнительно, что эти здоровенные морды за спиной маленького лысого типа – из полиции. Ивановские крепыши тоже вызвали у нее подозрения. Некоторые из них были в коротких майках, модных в этом сезоне. Татуировки под пупками отсутствовали! Стало быть, никакие они не бойцы-мусоны, прибывшие покарать отступника или сексота! А обычные бандиты.

– Что же ты наделала? Погубила боевого товарища, – грустно заметил Эдик, усугубляя девичье раскаяние. – Выставила меня на позор. Но я тебе прощаю это, киска... Жаль, нам не удалось познакомиться поближе! Помни верного мусона Эдварда, подруга! На этом свете не встретимся, так хоть на том.

Тут Марина выкинула такой финт, что у ребят Иванова прямо дух захватило. Она стащила через голову свободную блузку, оставшись в одних брюках, и натянула предмет девичьего гардероба на Цитруса. Толпа взревела, приветствуя дружественный акт со стороны вооруженной электрошокером девушки.

– Неудобно, что он без одежды, – она робко улыбнулась бандитам. А Эдику шепнула на ухо:

– Мощная взрывчатка вшита слева под мышкой! Умри достойно, боец!

– О как, – только и вымолвил новоиспеченный мусон. Интересно, часовой механизм в бомбе не предусмотрен? И что же, все мусонские девушки ходят в таких вот рубашечках? Да, определенно, Марина только что отдала ему самое дорогое, что у нее было! Возможность отправиться на тот свет вместе с толпой врагов! – Спасибо, милая, – пробормотал Эдвард и почувствовал, что глаза его наполняются слезами.

– Это всё сантименты, – буркнул Швеллер. – Колись давай, чмо болотное, наследство имеется?

Эдик поднял на главаря ясный взгляд, в котором забрезжил свет надежды на спасение.

– Имеется, чистая правда, имеется, – затараторил Цитрус. – Чем угодно поклянусь. Да чтоб мне никогда в жизни бубликов не видеть, если дедушка мне ничего не оставил. Просто дело как было... Я очень не хотел делиться. Впервые в жизни я получил наследство. Да еще не просто наследство. А целое состояние. Разум помутился от такого богатства. Вот я и драпанул от вас. Думал, смогу убежать. Но не смог... Всё равно нашли.

– Так я и думал, – улыбнулся Швеллер. – Ребята, грузите его в катер. Так, ты, крошка, отойди-ка от него подальше. А то мои парни тебя ненароком заденут. Видишь, какие они неповоротливые.

– Прощайте, – грустно улыбнулась Марина, отошла на несколько шагов и помахала Цитрусу рукой. Из глаз ее катились слезы. Видимо, она уже в красках представляла, как Эдвард взрывает катер вместе с собой и врагами.

– Да ты чего, а? – бандитский босс мягко обнял ее за плечо, вынул из ослабевшей руки электрошокер и показал на всё еще не опомнившихся ивановцев. – Видишь этих ребят, малышка? Если мы не поторопимся, скоро тут начнется сущее побоище. Ты не волнуйся, мы позаботимся о твоём тощем друге.

– Как это – позаботитесь? – прорычал Иванов, медленно выходя из ступора. – Я что-то не пойму – ты кинуть меня собрался?!

– Девушка отдала его мне, – проникновенно произнес Швеллер. – Значит, я его и забираю. Ну, чего встали. Грузите цитрусы, ребята.

Эдика схватили, затолкали в салон одного из спортивных катеров.

– Да я тебя... – начал Иванов.

– Надо же, какие мы настырные, – проворчал Швеллер. – Слушай, король рэкета, мы же с тобой цивилизованные люди. Я обещаю тебе половину с продажи его фабрики. Ну между собой-то мы разберемся? А тебе я просто боюсь его сейчас отдавать – ты же ему кости переломашь и ничего не добьешься.

– Мы полетим следом, – объявил Иванов, – и будем присутствовать, когда ты его трести начнешь.

– Только присутствовать? Без рукоприкладства?! – Иванов нехотя кивнул.

– Ладно, – согласился Швеллер. – В конце концов, нам с тобой в одном городе жить. Не кину, не переживай. Как там говорится – ворон ворону глаз не выклюет.

– Это ты ворон, – проворчал Иванов, – а я орел.

Швеллер в ответ только рукой махнул. Уселся в тот же спортивный катер, куда затолкали Эдика, и скомандовал:

– Полетели!

Воздушная машина взмыла в небо и понеслась прочь. Эдик посмотрел в иллюминатор, провожая взглядом девичью фигурку топless, такую одинокую и трогательную посреди беснующейся под фонарями дикой толпы. «Жалко, что всё так получилось, – подумал он, – но откуда я мог знать, что мусоны делают всем своим татуировки под пупком».

– Что ж, дружок! – обратился к нему Швеллер, поигрывая электрошокером. – Как насчет того, чтобы поделиться с нами дедушкиным состоянием? Ты же не будешь против того, чтобы переоформить все бумаги на подставное лицо?

– Конечно, не буду, – ответил Эдик и неожиданно засмеялся – сказывалось нервное напряжение последних суток, – разве я могу возражать? Ха-ха-ха. Нет, возражать я не буду.

– Конечно, не будешь, – засмеялся в ответ Швеллер. Его парни поддержали босса дружным хохотом. Так уж было заведено в клане Швеллера – если бугор начинает смеяться, то и все вокруг должны веселиться. Если же он злится, все обязаны сохранять самый мрачный вид. – Мы и законника с собой прихватили!

Юрист оказался самым мерзким субъектом в и без того пренеприятной компании. Толстый тип с редкой козлиной бородкой и длинными сальными космами, в заношенном клетчатом пиджаке, одетом на оранжевую футболку. На коленях он держал потертый ноутбук.

– Сделку оформим прямо здесь, – объявил юрист срывающимся на визг истерическим тенорком – должно быть, соседство с бандитами его нервировало. – Свяжемся по сети с нотариусом, подпишешь документы – и это, собственно, все. Адье.

– Что значит адье?! – всполошился Цитрус. – За борт меня кинете?!

– Зачем за борт, дурилка ты картонная? – хмыкнул Швеллер. – Может, еще и сгодишься на что. Расстанемся по-тихому, без мокрухи. Если, конечно, фабрика твоя хоть что-то стоит. Ну а если не стоит ничего, ты уж не обессудь. Смерть твоя будет долгой и мучительной.

– Фамилия дедушки, местоположение завода, – осведомился юрист, открывая ноутбук.

– Цитрусы мы, – с достоинством объявил Эдвард. – Я – Эдвард Цитрус, а дед мой – Иван Пафнутьевич Цитрус.

– Что ты мелешь, болтливая твоя морда? Цитрус – это ж погоняло! – возмутился Швеллер.

– А вот и нет. Фамилия. Я и удостоверение личности могу показать, – торжествующе улыбнулся Эдик. – Если мы, конечно, вернемся в мою каморку, где спрятана фотография дедушки!

– Хочешь, чтобы Мотя Швеллер дважды в одну мышеловку сунулся?! Совсем ты, видно, сдурел, парень.

– Нет, нет, что ты, – замотал головой Эдик.

– Ладно, врать тебе один хрен резону нет. Если сейчас законник наш не найдет нужной фабрики в своем компьютере – тут тебе и кирдык придет. Смекаешь?!

Цитрус прикусил язык. Действительно, в век победивших информационных технологий и удостоверения ни к чему. В памяти компьютера содержится информация по всем предприятиям Галактики. Включая бубличные фабрики, если таковые имеются. А если информации вдруг не окажется на жестком диске – соединился с глобальной сетью по беспроводному каналу и моментально получил ответ на любой запрос. Так что на раздумья оставалось всего несколько секунд. Сейчас его выведут на чистую воду!

– Цитрус Иван Пафнутьевич, – повторил юрист. – Местонахождение фабрики?

– Амальгама-12.

– Точнее? Амальгама – планета. Название страны, города? Возможно, ты знаешь код.

– Да какая там страна? Планетка-то маленькая... – Эдик замялся, потом выдал: – Город Бубличск. Кода не знаю.

– Как-как?

– Бубличск. От слова «бублик». Это небольшой такой городок, там, кроме дедушкиной фабрики, ничего и нет... А вокруг горы, горы, ов... овраги разные. Да. Хорошо там. В Бубличске. Я там вырос, – добавил для достоверности.

– Меня смущает окончание, – прищурился противный юрист. – Никак не могу его слышать. И написать, соответственно.

– Чэ Эс Ка, – терпеливо выговорил Эдик. – Нормальное окончание. Мне нравится, во всяком случае.

Юрист щелкнул по клавишам и заявил:

– Нет такого города на Амальгаме. И фабрики нет. И дедушки, Цитруса Ивана Пафнутьевича, тоже нет.

– Ты, наверное, неправильно окончание набрал, – вздохнул младший Цитрус. – А дедушки, понятное дело, нет.

– Как?! – ахнул Швеллер. – Так ты всё это время меня парил?!

– Да нет же. Я имею в виду, что он умер! Фабрика сейчас записана на доверительного управляющего. А его фамилии я, к сожалению, не помню. Сложная у него фамилия. То ли Шверценбахенхер. То ли Бульбенберхер.

Катер пошел на посадку. Судя по открывающейся в иллюминаторах картине, они прилетели куда-то на самую окраину мегаполиса, в промышленную зону. Вокруг высились ангары с красочными надписями: «Вторсырьё», «Цветметсклад», «Подержанные МГД-генераторы», «Не влезай, убьет», и расстилались живописнейшие свалки. Над ними кружили черные птицы, похожие на ворон, только на головах пернатых топорщились морщинистые гребни. Всё это благолепие освещалось мощными прожекторами.

«С ангарами всё ясно, – подумал Эдик. – Но зачем освещать свалки? Городу явно некуда девать энергию от мощного термоядерного реактора. Лучше бы продали энергию куда-нибудь налево. А деньги пустили в дело – построили новое казино, например».

Вообще же, место, куда они прибыли, Цитрусу очень не понравилось. Полиция в этот район не забредала месяцами... Впрочем, от полиции ему тоже никакой радости. И там, и там – каюк.

– Бульбенберхер?! – проговорил Швеллер после недолгих раздумий. – Сдается мне, Эдик, что ты нам мозги паришь! Ладно, сейчас приземлимся – и всё расскажешь по существу. Есть дедушка – хорошо. Нет – тоже неплохо. Давно я уже хочу выпотрошить кого-то в показательных целях! Да и нервишки успокою. Расшалились они, знаешь ли, в последнее время.

Здоровой рукой Цитрус полез под блузку. Нашупал пришитую к ней изнутри коробочку с колечком взрывателя. Колечко было такое маленькое, что в него влез только мизинец. Интересно, заряда хватит, чтобы разнести катер вдребезги? Или ему просто оторвет руки и голову, а все вокруг останутся целы и невредимы?!

Пропахав брюхом по камням с металлическим скрежетом, катер приземлился. Швеллер ухватил Цитруса за воротник и потащил наружу.

– Пошли, хватит себя шупать!

На площадке перед большим ангаром сразу стало многолюдно. Катера, бандиты, еще катера, еще бандиты... Гомон, хохот, мелькают огни... С удивлением Эдик заметил в толпе Лапшу – не иначе, рангун прилетел своим транспортом следом за катером Швеллера.

Хотел, наверное, посмотреть, как его грохнут. Чтобы потом донести Зюзину.

– Не хочет колоться, чмо болотное, – объявил Швеллер. – Поэтому, полагаю, целесообразно его мочкануть.

Иванов, к которому были обращены слова конкурента, хмыкнул:

– А, может, ты его в катере обработал? Законника не зря ведь с собой брал?! Болтун документы на тебя переписал, а сейчас ты мочкануть его хочешь, чтобы долю мою захватить!

– Да, да, это так! – прокричал Эдик. – Я всё отдал Швеллеру! Он обещал, что я буду жить!

– Врешь, паскуда! – вскричал тот.

– Чтоб мне провалиться!

– Да я тебя сейчас в асфальт закатаю!

– Господин Иванов вам не позволит!

– Не позволю! – рыкнул Иванов, – Ну-ка, колись, как твоя фабрика называется, как деда звали? У меня тоже законник имеется. И даже нотариус свой! Сейчас всё оформим на меня!

Эдик понял, что это – конец. Убьют его, может, и быстро, оттого, что он всех разозлил, но больно будет наверняка.

– Вторая бубличная фабрика имени Льва Букина, – сообщил он.

– Как же ты меня достал! – Швеллер побагровел от злости. – Нет бы помолчать перед смертью, так он всё так же несет не пойми что. Ну, скажи мне, кто такой этот Лев Букин?

– Знаменитый вратарь, – обреченно сообщил Эдик, – я о нем в газете прочитал. И в честь его дед назвал фабрику.

– Дайте-ка мне мою Любимицу, – попросил Швеллер и вытянул руку, в которую заботливые громилы немедленно вложили бейсбольную биту. – Ну-с, приступим, – сказал он и уже замахнулся для удара... А Эдик весь сжался, ожидая что сейчас ему влепят прямо по умной голове.

Но тут их самым беспардонным образом прервали. В небе появились два полицейских катера красивой обтекаемой формы, светящиеся красными и синими габаритными огнями. Супермашины, которые могли подниматься в стратосферу, а то и выходить на орбиту, перебрасывая полицейские силы с одного конца планеты на другой. Бортовому вооружению полицейских катеров мог бы позавидовать даже военный корабль с захудалой планетенки отдаленного сектора Галактики.

– Всем лечь на землю! Бросить оружие! – раздался громоподобный голос, усиленный динамиками.

Бандиты повалились, как кегли, сметенные метким ударом шара. Знали, что с копами в Баранбау шутки плохи. При желании они могли запросто расстрелять всех внизу. Эдик решил, что ему тоже будет неплохо прилечь.

– Проводится операция по задержанию особо опасного преступника, повинного в преступлениях против человечности! – продолжал вещать голос. – Эдвард Цитрус, встать! Именем закона, вы арестованы!

Эдик поднялся, с тоской глядя на медленно снижающиеся катера.

Они приземлились. Из одного высыпали полицейские. Сквозь бронированные стекла другого Эдик заметил прокурора с очень кислым лицом. Да уж, нехорошо всё складывается! Интересно, почему прокурор просто не дождался, пока его порешат бандиты? Наверное, не сообразил. Или решил не пускать дело на самотек.

– Пошли, мерзавец!

Один из полицейских хотел застегнуть на руке Эдварда наручники, но тот вдруг дико заорал и вытащил из-под рубашки брусок пластиковой взрывчатки. Устроен он был почти так же, как граната. Предохранительное кольцо, скоба, и, собственно, сама взрывчатка. Зубами сорвав кольцо, Цитрус поднял взрывчатку мусоном над головой.

– Только прикоснитесь ко мне! Только выстрелите! Все взлетим на воздух!

Большинство присутствующих бросились на землю. С бомбами шутки плохи...

– Это димлетид, – побелевшими от страха губами прошептал полицейский офицер. – Разнесет всё вокруг. И катера. И нас – в капусту. Страшная штука.

– Лежите, ребята, лежите, – подал голос Швеллер. – Нас проблемы легавых вообще не касаются.

– Не двигаться, придурки! – прорычал Иванов своим.

– Я сажусь в полицейский катер. И улетаю, – объявил Цитрус. – Мне уже всё равно! Если кто дернется – бабахну тут всё незамедлительно. И не вздумайте гнаться за мной!

Широкими шагами он направился к ближайшему полицейскому катеру. Люди испуганно шарахались в сторону – хотя заряда гранаты наверняка хватило бы, чтобы достать их и за пятьдесят, и за сто метров...

Пилота не пришлось просить покинуть кабину. Полицейский выскочил оттуда сам, лег на землю и закрыл голову руками.

– Молодец, сообразительный парень, – одобрил Эдик, – вот, берите пример с него! – Заглянул внутрь, убеждаясь, что в машине больше никого нет. Забрался в салон. Нажал на сенсор закрытия дверей.

Как только створка опустилась, толпа зашумела, все вскочили с земли и кинулись к своим катерам, будто те могли защитить их от взрыва.

Цитрус уселся в кресло, больной рукой потянул на себя штурвал, другой продолжая придерживать взрыватель гранаты. Катер начал подниматься в воздух.

– Неудобно-то как! – проскрипел зубами Цитрус. Действие обезболивающего заканчивалось, рука ныла и плохо его слушалась.

Эдвард потянул рычаг на себя, развернул катер, круто забирая вверх, потом завис в десятке метров над замершей в ужасе толпой. Боль в руке стала нестерпимой.

– Да гори оно всё огнем! – прокричал Эдвард, швырнул бомбу в открытое окно и перехватил штурвал освободившейся здоровой рукой.

Чудовищной силы взрыв спустя несколько секунд потряхнул катер так, что, казалось, он рассыплется в воздухе. Но надежная машина выдержала. В иллюминатор на полном ходу впечатались чьи-то ноги в ошметках полицейской формы и оторванная голова Швеллера. Голубой глаз, не мигая, смотрел на должника сквозь противоударное стекло.

– А-а-а-а! – заорал перепуганный Эдвард и рванул штурвал на себя. Послышался глухой щелчок, и штурвал заклинило. Скорее всего, взрывом смяло связанные с ним напрямую рулевые стабилизаторы.

Следуя с максимальным ускорением, полицейский катер устремился в небо. Как ни дергал Эдвард штурвал, как ни пинал его ногами, получить контроль над управлением не удавалось. Машина неслась отвесно вверх с бешеной скоростью – прочь от планеты, пробиваясь в густую черноту космоса.

Цитрус задраил иллюминаторы, переключил энергосистемы катера на межпланетный режим и приготовился к смерти: бортовой компьютер начертил четкую траекторию полета – следуя тем же курсом, через семнадцать часов катер сгорит, влетев в ближайшую звезду.

Эдик прикинул, как можно замедлиться. Возникла пара интересных идей. Включение тормозных двигателей закончилось катастрофой. Основной движок, переведенный на полный ход, выдавал столько мощности, что тормозные попросту прогорели. Тогда Эдик открыл топливные баки и принялся сливать горячее в открытый космос. «Вот кому-то радости будет, когда обнаружит расплескавшееся в межзвездной пустоте топливо! Его же можно при желании собрать и использовать».

Двигатель вскоре зачихал, а затем и вовсе заглох. Катер прекратил набирать скорость. Эдик выдохнул с облегчением, откинулся в кресле.

Счастье его было недолгим. Через пару часов к дрейфовавшему в черных просторах космоса катеру пристыковался линейный крейсер межгалактической полиции. Эдика заковали в наручники, препроводили на борт полицейского корабля и швырнули в клетку.

– Убийца! – глядя на него с ненавистью, сказал один из копов. – Теперь-то ты не скоро на свободе окажешься. Можешь быть в этом уверен, подонок. Если бы ты попал к нашим коллегам из Баранбау – тебя бы на месте шлепнули. Как просили они, чтобы тебя им отдали! Но наш капитан – кремень. Повезло тебе, отконвоируем тебя в пересыльную тюрьму на Эпсиолне Эридана. Только не радуйся сильно, тебя и там достанут. Да... Это уж точно.

– Слушай, – Эдик припал к решетке «обезьянника» и жарко зашептал: – Я, между нами говоря, очень богат. Дедушка оставил мне в наследство бубличную фабрику на Амальгаме-12... Большую такую фабрику. Больше, чем ты можешь себе представить!

Глава 2

ЗАМОЧИТЬ ЦИТРУСА

– Определить наказание в виде ста тридцати двух лет пребывания в колонии общего режима астероидного типа по выбору министерства юстиции, – закончил чтение длинного приговора судья, вытер пот со лба и стукнул деревянным молотком по полированному столу. Ручка молотка обломилась, и набалдашник, отскочив от гладкой поверхности, красиво вращаясь, полетел в зал. Однако угрозы для людей он не представлял – публики было мало, несколько репортеров да пара темных личностей, работающих то ли на правительство, то ли на мусонов. Набалдашник шлепнулся в задних рядах, попрыгал под креслами и затих.

За время судебных заседаний, длившихся без малого год, Эдик Цитрус не раз доводил судью до белого каления. Он бессовестно врал, рассказывал неправдоподобные байки, требовал очных ставок, давал показания и тут же отказывался от них. К большому сожалению судьи, до «шлюза», как называли высшую меру в органах юрисдикции межпланетного пространства,делки Эдварда не дотягивали. Законы межпланетных территорий отличались мягкостью и терпимостью даже к закоренелым коскам, сомнения истолковывались, в пользу подсудимого, выдачу пойманных в космосе преступников на планеты правила не предусматривали. За все преступления судили здесь – на орбитальной станции у Эпсилона Эридана, в самом большом астероидном поселении Галактики. Именно отсюда коски направлялись в колонии разных миров.

– Спасибо, ваша честь! – во весь голос заорал Цитрус. – Было так приятно с вами познакомиться! Общение с такой высокоинтеллектуальной и гуманной личностью доставило мне подлинное удовольствие. Несказанное удовольствие! Сказочное удовольствие! Я словно бы...

– Уведите его, – попросил судья, наливаясь краской. – Приговор обжалованию не подлежит. Так что надеюсь, в ближайшие сто тридцать два года я вас не увижу, Цитрус!

Судья, наконец, осознал, что сегодня – последний день процесса, и улыбнулся искренне, совсем по-детски. Можно было подумать, будто он выиграл в лотерею крупную сумму денег.

– Не забуду вашу доброту, – крикнул Эдвард вслед удаляющемуся прыгающими шагами судье – не так-то легко сохранять степенную походку при силе тяжести в десять раз ниже земной. – Хотя шестнадцать лет вы мне зря накинули. Не вступал я ни в какие сговоры, действовал сугубо сам, по собственной инициативе! Я вообще всегда работаю один – никому в этом мире нельзя доверять!

– Как частное лицо скажу тебе: заглохни, погань! – обернулся от дверей снявший парик с потной лысины судья. – Голоса твоего уже слышать не могу.

Конвоиры подхватили Эдварда под руки и потащили по темному коридору к грузовому кораблю, предназначенному для перевозки заключенных внутри планетных систем.

– Куда, куда меня везут, граждане начальники? – обратился Цитрус к конвоирам, как только судья скрылся из вида. – Я не хочу на Лямбду Большого Пса! Там, говорят, открытым способом добывают плутоний, а скафандры защиты дают рваные. Сто тридцать два года я там точно не протяну – пусть на плутонии парятся те, у кого срока короткие! И на Дзету Змееносца не хочу. Там «красная» зона, всё по звонку, слова лишнего не скажи...

– Да уж, слова не сказать, без этого ты точно помрешь, – хохотнул низенький толстый конвоир, похожий на большой воздушный шарик. – А насчет колонии не переживай, отправят тебя на Бетельгейзе, как инвалида. У нас система гуманная, на тачку не поставят. Колония номер шесть на Бетельгейзе – место, что надо. Работа легкая, условия хорошие...

При этом толстый конвоир почему-то гадко ухмыльнулся.

– Что еще за номер шесть? Почему номер шесть? – всполошился Эдвард, поглаживая культю левой руки. – Там много колоний, что ли?

– Нумерация сквозная по всей Галактике, – сквозь зубы бросил другой конвоир. – Если бы не твоё увечье, давно бы ты резиновой палкой по рогам схлопотал. Помалкивай да шагай вперед!

Цитрус счел за лучшее замолчать на некоторое время. Обидно, конечно, потерять руку. Все копы, которым он твердил, что у него началось заражение, в ответ только смеялись, называли грязным убийцей и отъявленным мерзавцем. Рука рукой, но сколько уже бонусов он получил благодаря ее потере! Палкой вот сейчас не ударили. Да и срок ему определили не триста сорок лет, как планировалось изначально, а всего сто тридцать два. Можно даже выйти на свободу, если очень повезет. Продолжительность жизни всё увеличивается...

Потом, режим содержания. Эдварду полагался дополнительный паек, и теперь его отправят на Бетельгейзе, а не на плутониевые рудники. Неплохо! Руку, если разбогатеешь, можно пришить. Донорскую. Главное, проследить, чтобы была не очень волосата – а то с браслетом неудобно носить, волосы вырываются. Ну и негритянскую руку, наверное, всё же не надо. Хотя и стильно, но как-то больно вызывающе – одна белая, другая черная... А пока достаточно и простого протеза – куска пластика с крючком на конце. А лучше всего руку клонировать, правда, это стоит в пять раз дороже...

– Грузись! – прервал размышления Эдварда конвойный. – Сейчас на распределительный пункт тебя повезут.

Грузовик выглядел не слишком презентабельно. Ржавые пятна на боках, треснувшее и залитое герметиком стекло в одном из иллюминаторов, половина габаритных огней не горит.

– А я думал, сразу на Бетельгейзе, – вздохнул Эдвард. – Хочется, знаете ли, домой!

– То есть как домой? – удивился худой конвойный. – Ты с Бетельгейзе, что ли?

– Нет. Но, если учесть, что мне придется провести в той колонии сто тридцать два года, полагаю, она станет моим домом. До сих пор я не задерживался на одном месте так долго.

– Ты серьезно собираешься дожить до конца срока? – спросил толстяк-конвоир. – Протянуть на астероидах сто тридцать два года?

– Почему нет? Если уж меня не смогли достать здесь люди Швеллера и Иванова... Полагаю, и там им это будет затруднительно сделать. Да и зачем? Денег я уже точно им не отдам. Как, кстати, на Бетельгейзе можно что-то заработать? Я слышал, в колониях работают. А кто работает, тот получает зарплату. Так ведь?

– Если будешь вкалывать весь день, копеек тридцать тебе заплатят, – хмыкнул толстяк. – Потому что варезки, которые вяжут коски в этой колонии, покупают крайне неохотно. Разве что всякие государственные ведомства, вроде полицейского департамента, за бесценок. Вот и приходится вашему брату париться практически даром. Были у меня варезки с Бетельгейзе прошлой зимой... Чуть руки не отморозил! И это на орбитальной станции, где температура не опускается ниже пятнадцати градусов! А еще, там вроде добывают золото. Но платят за это такие же гроши. Так что, по мне лучше уж варезки вязать.

Цитрус устроился на жесткой лавке позади относительно комфортабельных кресел, которые заняли охранники. Грузовик стартовал без рывков – экономичный ионный двигатель разгонял корабль очень плавно.

– Часто заключенных переводят из одной колонии в другую? – поинтересовался Эдик спустя минуту. Долго молчать он никак не мог.

– Редко, – покачал головой худой, – лишние расходы. Зачем возить вашего брата туда-сюда? Вкалывайте на одном месте. А ты что, хотел посмотреть мир за казенный счет?

– Да нет, я уже напутешествовался по собственной инициативе. А вот вы мне скажите – новичков там избивают или встречают по-доброму? Есть там всякие «прописки» или коск коску – друг, товарищ и брат?

– Заткнись, – попросил худой конвоир. – Откуда нам знать? По мне, если бы все вы поубивали друг друга, честным людям легче бы жилось. Но мы бы тогда остались без работы... А это ведь тоже не сахар.

– Да, не сахар, – кивнул Эдик. Конвоир между тем отстегнул от пояса дубинку. – И даже не мед! Всё, я уже умолкаю! Не бейте меня, я инвалид!

Через пару часов ржавый грузовик пристыковался к черному, помятому метеоритными ударами модулю, служившему распределителем для косков. Перевалочной станцией. Эдика вытолкнули в коридор.

– Будем прощаться... – успел крикнуть он, но грубияны прощаться не пожелали, развернулись и потопали прочь.

Новые конвоиры грубо схватили его и потащили в камеру.

– Надеюсь, мне дадут лучшие апартаменты? – попытался выяснить Цитрус. Но его не удостоили ответом. Эти охранники оказались еще неразговорчивее прежних. Невыразительными лицами они смахивали на синтетических кукол. Да и в коридорах им встречались всё больше разные унылые личности. Только один усатый охранник выглядел более-менее живым. Но его физиономия не понравилась Эдварду еще больше.

Стальная дверь захлопнулась, и Цитрус оказался в крохотной, два на два метра, комнатке с двухъярусными нарами. Сверху лежала огромная куча тряпья, нижняя лежанка оставалась свободной.

«Надо же, привели в складской номер, – поразился Эдвард. – Неужели станция под завязку набита косками, и меня нужно было обязательно сунуть в каптерку? Не везет, как всегда. И не поговоришь ни с кем. А неплохо было бы узнать, что за дела творятся в колонии на Бетельгейзе, да и вообще, расспросить о тамошних нравах. Ладно, надо поспать. Судья совсем меня утомил...»

Цитрус ловко подхватил крючком протеза одеяло из кучи тряпья на верхней лежанке нар, намереваясь здоровой рукой расправить его внизу. Послышался обиженный рык:

– Беспредельничать не надо! Оставь одеяло!

Эдик замер. Сверху на него смотрели огромные синие глаза с длинными пушистыми ресницами. Пожалуй, это была единственная нежная и трогательная деталь во внешности незнакомца, который, как оказалось, спал под одеялом наверху. Черты лица у него были грубые, а сам незнакомец был просто огромен: не меньше двух метров ростом, с мощными мускулами, волосатыми конечностями...

– А? – только и сказал Цитрус. Одеяло он из рук не выпустил.

– Дылда, – грозно проговорил незнакомец, сделав ударение на последнем слог. Звучало это грозно.

– Не надо дылду, – пробормотал Эдик, со страху решив, что это какая-то страшная пытка. – Я верну одеяло!

– Как – не надо? Нас уже посадили вместе. Так что придется терпеть.

– И спасения нет? – загрустил Цитрус, представляя, как великан сейчас достанет из-под матраса заточку или эту самую дылду и начнет строгать его в мелкий винегрет. Не иначе, этот тип из ивановских косков. По габаритам им подходит. И такой же беспредельщик. Наверное, получил задание от своего босса, который до сих пор лежит в больнице после взрыва димлетидовой бомбы.

Эдику представился забинтованный с головы до ног Иванов. Как он приподнимает белую голову, тянет к здоровяку негнушущую руку и шепчет сипло, заикаясь: «Достань его. Ты меня слышишь?! Непременно достань! Или я тебе кишки выну».

– Отсидим, выйдем, – вздохнул великан. – Я уже три раза выходил. Да. Так вот мне везло.

– О, так ты коск со стажем? – осторожно поинтересовался Эдвард.

– Не знаю. Наверное: А что такое этот самый стаж? – подозрительно поинтересовался коск. – Я так полагаю, ты не хотел меня обидеть? Стаж – это то, о чем я думаю? Тогда да, стаж у меня ого-го какой...

– Верю. Верю, – согласился Цитрус.

– То-то, – довольно кивнул великан. – А, может, мне его показать?

– Что?

– Стаж. Чтобы не сомневался.

– Лучше не надо, – сказал Цитрус. По выражению лица нового знакомого он понял, что рубить его на винегрет прямо сейчас никто не собирается. Наверное этот закоренелый коск просто пошутил.

– Давай знакомиться! – предложил Цитрус.

– Дылда, – снова повторил великан. Эдвард занервничал.

– Нет, ну что ты! Не хочешь, не надо... Зачем сразу угрожать? Япрекрасно понимаю с первого раза. Подозреваю, что мое имя тебе неинтересно. Но всё же скажу: я Цитрус. Эдвард Цитрус. Мой дедушка владел бубличной фабрикой на Амальгаме-12 и был очень уважаемым человеком. Ты любишь бублики?

– Я винегрет люблю!

Эдварда стала трясти мелкая дрожь.

– Но только из меня не надо делать винегрет! Хорошо?!

– Хорошо, – кивнул великан. – Как же из тебя винегрет сделаешь? Его ж из овощей делают!

– А что ты заладил: дылда, дылда. Это что такое?

– Как что?! Я это.

– Так это погоняло у тебя такое? – выдохнул Цитрус. – Уф, ну и напугал ты меня, дружище! Сначала я решил, что тебя тут вообще нет! А потом заладил: дылда, дылда... Я думал, ты намекаешь на что-то. Так как насчет бубликов?

– Я их никогда не пробовал.

– Если мы посидим с тобой подольше, непременно попробуем! Дедушка мне пришлет! Точнее, не дедушка, конечно, а его управляющий, Бульбенбарбехер. Трудная фамилия, правда?

Дылда разглядывал нового соседа во все глаза.

– Что-то не так? – осведомился Эдвард.

– Да... Ты выглядишь странно. Не могу понять, почему, – ответил Дылда.

– Может, меня постригли слишком коротко? – забеспокоился Эдик, щупая лысую голову.

– Нет, к бритым я привык...

– Что же тогда тебя смущает?

Дылда задумался, оглядел Цитруса еще раз и, наконец, изрек:

– Понял! У тебя руки нет.

– Да? – удивленным тоном осведомился Цитрус. – Надо же, а я как-то и не замечал. Точно?

– Точно! А ты что, не знал?

Эдик взглянул на Дылду внимательнее. Понял, что тот не шутит. Пришел к выводу, что парень страдает легкой формой дебилизма и что его можно будет, пожалуй, использовать в своих целях.

– Наверное, легавые оторвали, когда тащили в камеру, – вздохнул Эдик. – Мелочи, не обращай внимания! По сравнению со всем, что со мной случилось, это сущая ерунда!

– Да? А что с тобой случилось?

– Длинная история, – начал Эдик, садясь на своего любимого конька, – всё началось с того, что мой дедушка, а мой дедушка – богатейший бубличный магнат в Галактике – приказал

долго жить. То есть скопытился мой дедуля. А я, его любимый внук, сразу же почувствовал себя сиротой. Ты, наверное, знаешь, как это бывает?

Дылда с самым скорбным видом закивал.

– Немного скрасило мое горе оставленное дедулей наследство, – продолжил Цитрус, – без малого сорок миллионов рублей, бубличная фабрика и пара-тройка обширнейших складов, набитых бубликами, имение, конечно, кое-какая домашняя утварь, но это уже несущественно. Я как раз собирался вступить в права на наследство, когда злые люди прознали о том, что вот есть, дескать, такой светлый юноша, у которого не так давно страшное семейное несчастье случилось. И задумали они у этого юноши, у меня то есть, отнять это самое несчастье... то есть, тьфу ты, счастье... то есть денежки мои решили прикарманить. Понял?

– Ну, дела! – выдавил Дылда, он даже рот открыл, так его заинтересовала история.

– С этого, собственно, и начались мои злключения, – вздохнул Цитрус и поведал столь душещипательную историю о том, как бандиты пытались прикарманить его наследство, что даже сам прослезился. Стирая обильные слезы, так и льющиеся из глаз, он всё говорил и говорил, рассказывал о том, как самоотверженная девушка Марина (между прочим, в любовных играх она очень хороша, видел бы, какие штуки творит с обычным электроразрядником), рискуя жизнью, передала ему мощную взрывчатку, чтобы он мог прикончить врагов и вернуться к ней.

– Но не сложилось! – выкрикнул Эдик. – Всему виной продажные копы...

Далее он еще около часа рассказывал о завязавшейся между ним и полицией перестрелке, в которой он ранил пятнадцать человек, а шестерых застрелил насмерть. Копам якобы даже пришлось вызывать специально обученного снайпера из отдела оперативного реагирования. Только он смог бы побороться с Эдвардом в меткости стрельбы.

– Несмотря на то, что это был высококлассный специалист, по очкам я его делал на раз, – сообщил Цитрус, – ты не думай, я отнюдь не хвастаюсь. Это действительно так. Вообще, лучшего стрелка, чем я, не сыскать во всей Галактике... Да... – Он задумался.

– И что было дальше? – поторопил его Дылда.

– Дальше? – восторженно Эдвард. – А дальше взяли меня. Повязали. И всё.

– Всё?

– Ну да, всё... Срок впаяли. Сажу вот теперь, с тобой. – Повисла пауза.

– Да-а-а! – выдавил великан. – Вот как бывает. Выходит, ты ни в чем не виноват?

– Конечно, не виноват, – с жаром подтвердил Цитрус. – Легавые меня сюда ни за что ни про что упрятали. Но они еще поплатятся за это!.. Это точно. Эдик Цитрус еще никому не позволял творить над собой несправедливость. Будь моя воля, я бы... Это еще что? – Он замолчал и настороженно прислушался к странному звуку.

– Что? – переспросил Дылда.

– Ты ничего не слышишь?

– Нет вроде бы.

– Какое-то поскребывание.

– Может, мышь, – Дылда пожал огромными плечами.

– Откуда здесь мыши?

– Мыши везде есть. Ятак думаю. А если не мыши, то крысы. У нас в интернате их было множество.

– Нет, нет... Когда мыши грызут провода коммуникаций, это звучит совсем по-другому. Тут что-то иное. Слышишь? – Цитрус поднялся и, прислушиваясь, пошел по камере. У дальней стены он остановился, припал к пузырьковой углеродистой панели ухом. – Здесь, – возвестил он, – кто-то или что-то скребется в нашу стену с этой стороны.

– Да ну! – удивился великан, подбежал и уткнулся в переборку. Спустя пару мгновений лицо его расплылось в широкой улыбке. – Точно, мышь прямо за этой стеной! Грызет пластик. Вот ведь упорный зверек!

– Какая еще мышь? – рассердился Эдвард. – Зачем ей грызть переборку?

– Большая! Толстая мышь. Вот с такими зубищами, – Дылда обнажил верхнюю губу, демонстрируя желтые крупные резцы. – А одной ей, наверное, скучно. Вот она и решила пробраться сюда.

– Если это мышь, то я желтый карлик.

– Ты – желтый карлик? – поразился Дылда. – Ну да, ростом ты, конечно, не вышел, но кожа у тебя белая. То есть светлая. Или у тебя в родне были китайцы?

– Сам ты китаец. Ой... – Цитрус отпрянул от стены. Материал переборки ощутимо прогнулся и даже треснул в нескольких местах.

– Ничего себе мышь! – воскликнул Эдвард.

– Большая мышь! – пробормотал Дылда. – Страшная. Ишь, силищи сколько!

На пол посыпались крошки пластика, а в переборке образовалась небольшая дырка. Цитрус с Дылдой испуганно отступили – а ну как мышь окажется бешеной и бросится на них? Или начнет плевать ядовитой слюной? Если уж она грызет пластиковые стены, от этой заразы можно любой пакости ждать. В образовавшуюся в переборке дыру заглянул чей-то черный глаз. Пошарил взглядом по камере и исчез. Затем объявился рот и жадно зашептал:

– Помогите мне, они держат меня взаперти. Тяжело... Душно! Я так хочу на свободу! Буквально мечтаю!

– Это не мышь, – проявил поразительную догадливость Дылда.

– Эй, парень, – забеспокоился Эдик, – мы все о свободе мечтаем. Здесь ты ее точно не найдешь. Поверь мне. Даже если бы тебе удалось прогрызть внешнюю обшивку – вряд ли из этого вышло бы что-то путное. Мы на космической станции. Так что не тратил бы ты свои скудные силы.

– Не отказывайте мне в последнем, в помощи! – выкрикнул голос. – Я так в ней нуждаюсь! Я сейчас, я уже скоро...

Снова слышался такой звук, словно невидимая мышь собирается прогрызть стену.

– Чего это он? – поразился Дылда.

– Кто ж его знает. Рехнулся, наверное. Чувствую, подведет он нас под дисциплинарное взыскание, – возмутился Цитрус. – Испортит нам стену, а легавые скажут, будто мы собирались смыться. Еще и срок накинута – всем гамузом. Разбираться-то не будут, кто прав, кто виноват. Не в их это правилах – разбираться... Эй, ты! Кончай ерундой заниматься! Нечего портить нашу камеру.

– Во-во. Не надо портить нашу камеру! – поддакнул Дылда. – Отвали, мышь!

– Сейчас, я уже сейчас, я скоро, – шептал голос за стеной. Поскребывание то становилось громче, то затихало.

– Вот урод! – возмутился Эдик. – Слушай, придурок! Ты думаешь, на свободу лезешь? Да здесь сидят такие же коски, как ты. Это вообще космическая тюрьма! Ты воображаешь хоть что-нибудь?

Но узник, «лезущий на свободу», ничего не хотел слышать, продолжая разрушать прочный пластик неведомым орудием. Только приговаривал время от времени, что вот, дескать, сейчас, сейчас, он уже скоро, осталось совсем чуть-чуть. Слушая его бесконечные нашептывания, Эдик пришел к грустному выводу, что скоро им предстоит оказаться в одном помещении с буйнопомешанным. Тот между тем очень торопился. Через проделанное им отверстие в стене слышно было, как он сопит от усердия. Время от времени поскребывание стихало, в дыре появлялся черный глаз, который пристально смотрел на Эдварда. «Ты», – восклицал хозяин глаза, и работа возобновлялась.

Это громкое восклицание, да еще неподдельный интерес, который псих питал к его персоне, совсем не понравились Цитрусу. «Может, ткнуть ему в глаз указательным пальцем? – подумалось ему. – Впрочем, нет никакой гарантии, что это его остановит. Скорее напротив – распалит до невозможности, и он ввалится к нам еще быстрее. К тому же, если я ткну его в глаз, то настроен он будет ко мне сугубо отрицательно. Силы ему не занимать. Это видно. Энтузиазма – тоже. Ну как захочет стукнуть меня по голове? Нет, пожалуй, надо попытаться наладить с ним хорошие отношения, пока не поздно».

– Эй, – заговорил Эдвард, – ты парень, что надо, как я погляжу. Вон как ловко стенку ломаешь...

– Сейчас, я уже скоро, – медовым голосом возвестил сумасшедший и заскреб еще громче.

Вскоре дыра расширилась настолько, что в нее уже можно было пролезть. Весь засыпанный крошками пластика, с белым перекошенным лицом субъект из соседней камеры ввинтился в дыру, упал на пол, но сразу вскочил на ноги, тупо разглядывая Эдварда и Дылду. Был он невысоким, черноволосым и крайне несимпатичным. Маленькие злобные глазки выдавали в нем человека недоброго, вызывая желание оказаться как можно дальше от их обладателя.

Выражение лица узника из соседней камеры было пустоватое. К тому же он пробормотал под нос:

– Ну вот, я на свободе...

У Цитруса сложилось впечатление, что их гость совсем ничего не понимает – ни кто он, ни где находится. Но неожиданно лицо чернявого приобрело осмысленное выражение и он, вскричав: «Привет от Швеллера! Скоро ты с ним свидишься, паскуда!», ринулся к Эдику. В кулаке блеснула длинная заточка, которой он до этого ковырял пластик.

Цитрус вскрикнул от неожиданности – столь внезапное превращение психопата в наемного убийцу кого хочешь выведет из равновесия – и попытался уклониться он нацеленного ему в левую половину груди острия. Не вышло. Холодный металл полоснул по ребрам, прошелся по телу, разрезая одежду, царапая кожу. Коск собирался довершить начатое, но не успел. В его голову врезался массивный кулак Дылды. После чего тело убийцы взвилось в воздух и впечаталось в стену. Послышался хруст, и чернявый распластался на полу, глядя в пустоту быстро стеклянеющим взглядом.

Всё произошло столь стремительно, что Эдик не успел даже сообразить, что всё уже кончено. Так и застыл, выставив перед собой правую руку – защищался от удара.

– Помер, – констатировал Дылда, присел над трупом и вынул из пальцев убитого заточку. Взвесил ее на ладони. – Хорошая штучка. Ручная работа, да.

– Как ты его! Одним ударом! – восхитился Цитрус и засуетился – подбежал к металлической двери, прислушался – не идет ли охрана, заглянул в помещение, откуда появился наемный убийца – точно такая же камера, только поменьше – одноместная. Подсадить того типа случайно сюда не могли, слишком неправдоподобно выглядит такое предположение. Значит, кого-то из охранников купили дружки Швеллера. Может, даже нескольких.

Эдик вспомнил лицо одного из них – холеная физиономия с тонкими, подкрученными усиками. Надменное выражение, казалось, навсегда приросло к ней. Следуя по коридору навстречу сопровождаемому охраной арестанту, этот тип чему-то улыбнулся, а когда прошел мимо, засвистел веселый мотив, словно несчастливая судьба новоиспеченного коска его порядком забавляла. Этот и есть продажный коп, решил Эдик. И понял, что добаться до астероида, куда его определили по приговору суда, будет непросто. По опыту знал, что если коски кого-то вознамерились шлепнуть, то шлепнут непременно. А его, похоже, заказали дружки убитого Швеллера.

«Надо срочно обзавестись каким-нибудь оружием, – пронеслось в сознании Эдварда, – найти могущественных друзей, перекупить тюремную охрану. Только за какие шиши? Разве что у Дылды занять?»

Недаром Эдик слыл одним из самых изобретательных малых, занимающихся заемом под проценты. Денег у него не было, на руках имелся свежий труп, но Цитрус уже сообразил, как ему можно извлечь выгоду даже из этой ситуации.

– Слушай, Дылда, у тебя срок какой был?

– Так восемь лет. Немало, – вздохнул детина. – Я даже статью выучил... Очень сложная статья... Повышение нужной защиты... Поднятие необходимой безопасности... Злоупотребление... Нет, злоупотребление это было у толстого коска, которого я чуть не удавил две недели назад. Храпел он громко и меня дебилом называл...

– Ты не дебил, Дылда! Ты классный парень! Я сразу тебя очень полюбил. А теперь ты нас просто спас от этого сумасшедшего!

– Повышение жизненной необходимости, – продолжал хмуро бормотать Дылда. Лоб его прорезали глубокие морщины – мыслительный процесс давался ему с трудом.

– Наверное, превышение необходимой обороны? – предположил Эдик.

– Ну да. Пришиб я двоих, которые у меня пьянящий колосок попросили. Будто я не знаю, что после этого бывает! У них еще и бейсбольные биты с собой были. Судья, правда, сказал, что они спортсмены-бейсболисты. Но мне не верится. Кто в эту дурацкую игру играть будет? То ли дело – футбол или там бокс... Так что биты им нужны были не для чего хорошего... Битой меня били не раз – не люблю я эти штуки...

Цитрус с интересом посмотрел на разговорившегося сокамерника. Видно, воспоминание о давнем происшествии пробудило тонкие струнки его ленивой души. Но сейчас не было времени предаваться воспоминаниям, хотя трудно было не вспомнить Швеллера, который везде разгуливал с бейсбольной битой. Именно к нему, на тот свет, и хотел отправить Эдика убийца...

– Сейчас у тебя рецидив превышения самообороны. Еще минимум восемь лет накинута, – вздохнул Цитрус. – Лучше бы ты кого-нибудь просто так убил.

– Да ты что? – часто заморгал Дылда. – Шестнадцать лет? Да я ж никогда не выйду! А я так надеялся на условно-досрочное освобождение за хорошее поведение...

– Постараемся выпутаться, – деловито кивнул Цитрус. – Знаешь что? Давай с тобой вместе держаться. Станем командой. Ты будешь олицетворять грубую физическую силу, а я стану мозгом нашего предприятия. То есть буду думать, как нам лучше проворачивать разные делишки. Внакладе не останешься, не сомневайся!

Дылда расцвел широкой улыбкой.

– Слушай, ты клевый парень! Давай, конечно... Только что делать с этим? Может, засунем обратно в его камеру?

– Ага... И получится, что мы к нему влезли, убили его, а потом вернулись к себе. Дырку-то в стене не заделаешь.

– Верно, – огорчился Дылда. – Как-то я об этом не подумал. Но тогда ведь это будет не самооборона?

– Я о чем и толкую.

– Значит, не рецидив? Может, меньше дадут? – Цитрус тяжело вздохнул.

– Слушай, Дылда, я для тебя готов на всё. Знаешь, возьму я этого парня на себя. Сто тридцать два года... Подумаешь, десятью годами больше, десятью меньше... Это, по сути, такие мелочи!

– Правда? – буквально залучился счастьем Дылда.

– А то, – вздохнул Эдик. – Но ты помни, кому и чем обязан. А, вообще, у меня есть и другой план. Еще более хитроумный. Я тебе говорил, что я главный специалист по хитроумным планам во всём южном секторе Галактики и на Амальгаме-12?

– Нет.

– Так знай. Побудь пока с нашим несостоявшимся другом, а я обследую его камеру. Если услышишь что подозрительное – ломись следом.

Цитрус забрал у Дылды заточку, с которой бросался на него наемник банды Швеллера, и проскользнул в дыру. Порез на груди заболел, когда он зацепился им о неровные края пластика, но в целом рана его почти не беспокоила. Похоже, заточка не была отравлена. Такая удача не могла не радовать.

– Придурок! – процедил Цитрус. – На меня, да с неотравленной заточкой. Не на того напал.

Вот только рубашка вконец испорчена. Дыра, да еще и кровь. Придется выбрасывать. А раздобыть новую рубашку в тюрьме раньше положенного срока – та еще проблема!

В соседней камере никого не оказалось. Одноместные нары с синтетическим одеялом, пластиковая тумбочка... Эдвард открыл ее и присвистнул: на полке лежала зубная щетка, расческа, электромассажер и пачка денег. Не меньше двух тысяч рублей. Коск даже не потрудился их спрятать!

«Парень был в авторитете, – подумал Эдвард. – Непростой, наверное, коск. Ловко Дылда его пришил! Только как бы чего не вышло теперь. За Швеллера меня могут грохнуть. А теперь еще и за этого чернявого. Ладно, прорвемся...»

Деньги он сунул в карман брюк – глупо оставлять тюремщикам. Кто нашел, тот и хозяин! Надо бы обследовать матрас, подушку... Может, там шустрый коск припрятал еще больше?

Но тут в коридоре послышались шаги. Цитрус замер. Если его догадки верны, всё пройдет «на ура». Если нет, могут возникнуть серьезные осложнения. Впрочем, стоит ли с его сроком чего-то бояться? Лишь бы не разлучили с Дылдой. Такого охранника только поискать.

И дверь камеры осторожно стукнули.

Точно! У коска-наемника и кого-то из охраны был договор. И сейчас продажный тюремщик пришел поинтересоваться, как прошла операция, пора ли посылать кого-то за трупом. Или за трупами... Наверное, Дылду хотели сделать «крайним». Или пришить для правдоподобности – чтобы никто не заподозрил, что охота шла именно на Эдика. А потом списать всё на разборки в одной камере.

– Кто там? – постаравшись исказить голос, поинтересовался Цитрус.

– Сто грамм, – хохотнули за дверью. – Всё готово? Или пока разминаешься?

– Заходи, увидишь. Я хочу накинуть тебе кое-что сверху. Возникли проблемы...

– Какие проблемы? – Голос стал обеспокоенным. – Это обойдется тебе в лишних пару тысяч...

– Не ломай голову. Хозяева башляют, – проскрипел Цитрус.

Лязгнул простой механический засов, дверь приоткрылась, и в камеру проскользнул тюремщик – тот самый, с подкрученными усиками. Увидеть Цитруса для него было большой неожиданностью.

– Здравствуй, сволочь, – воскликнул Эдвард, хватая шею тюремщика крюком протеза. – Убить меня захотел?

Охранник оказался неробкого десятка. Занятия по рукопашному бою он явно никогда не пропускал. Вывернулся, ухватил Эдика под локоть и за воротник и красиво швырнул через бедро. Цитрус хлопнулся об пол с глухим шлепком и выкрикнул:

– Дылда, убивают!

– Чего? – продажный коп поставил ногу на грудь Эдика и обернулся к стене.

Под могучим ударом плеча пластик разлетелся с треском. В камеру ворвался Дылда. И ринулся на охранника. Тот шагнул в сторону и подставил здоровяку подножку. Вместо того чтобы упасть в одиночестве, Дылда успел сграбастать копа левой лапищей – и рухнул на пол вместе с ним. Цитрус шустро откатился в сторону.

Вскочили на ноги дерущиеся одновременно. Охранник провел серию блестящих ударов по массивной груди коска и плотной широкой физиономии. Шлепки возвещали о соприкосновении костяшек с телом и лицом Дылды. Свалить парня, однако, не удалось. Ослепший от боли и ярости, великан взревел, как раненый медведь, и нанес охраннику сокрушительный удар в подбородок. Голова того мотнулась с сухим хрустом, колени подогнулись, и он упал на пластик лицом вниз.

– И этот, кажется, готов, – констатировал Цитрус, держась за край раковины. – Будет знать, как натравливать на внуков знаменитых бубличников всякую каторжную сволочь!

– Как же теперь быть? – пробормотал Дылда, в смущении разглядывая свои огромные лапищи, словно никак не мог поверить, что за такое короткое время пришил двоих. Он поблелел как полотно и обхватил курчавую голову руками.

– Не повезло, – пожал плечами Цитрус.

– Он мертв! Мертв! – стонал великан. – Нас посадят на пятьдесят лет. А до этого будут бить ногами до потери сознания! Грохнуть тюремщика! Это уже настоящий беспредел!

– Ничего страшного, мой большой друг, эта неприятность поможет нам выпутаться из неприятностей. Ты его вовсе не убивал.

– Как это?

– А так. Его убил тот, чернявый. Это же очевидно.

– Но я же...

– Тебе самому будет лучше, если ты в это поверишь, – перебил Цитрус. – Но представим мы дело немного по-другому. Тащи сюда второй трупешник.

– Зачем это?

– Давай договоримся – ты будешь делать то, что я скажу, и неизменно оказываться в выигрыше. В частности, в качестве премии ты прямо сейчас получишь сто рублей.

С этими словами Цитрус вынул из кармана сотню и вручил ее ошарашенному здоровяку. Жаться не стоит. Всегда найдутся тысячи способов получить сотню обратно, если понадобится.

Дылда захлопал глазами.

– Дорогой мой Эдик, да у меня отродясь таких денег не водилось! – прочувствованно воскликнул он.

– Теперь ты будешь купаться в роскоши. И, кстати, никогда не говори мне «дорогой мой». Ты понял – никогда!

Дылда поспешно закивал.

– Так, пришел в себя от нечаянной радости? Пришел?! Прекрасно. Тащи теперь сюда этого, чернявого!

– Ты и правда мой большой друг!

– Я-то? Тут ты преувеличиваешь. Я, пожалуй, не очень большой... А вот ты действительно мой самый большой друг. Посмотри на себя – такой рубила! Тебя в цирке можно показывать. Пошевеливайся, в общем!

Дылда протиснулся в дыру и очень скоро вернулся с телом. Подобострастно глядя в глаза Цитрусу, он поинтересовался:

– Куда класть? На койку? Как будто он во сне умер?

– Нет. На пол, – раздраженно бросил Эдвард. Он вложил заточку в мертвую руку коска. Затем расчехлил дубинку усатого и вложил ее в руку ему.

– А я думал, мы возьмем заточку и дубинку с собой, – промямлил Дылда. – Оружие всегда может пригодиться. Мне-то оно ни к чему, но его можно продать...

– За лишнюю порцию баланды, – усмехнулся Цитрус. – Забудь о мелких спекулятивных сделках, кореш! Скоро мы с тобой станем богачами! Если нас раньше не пришьют... – Он немного помрачнел. – Что ж, теперь картина произошедшего ясна: тюремщик вошел в камеру к этому, беспокойному, тот кинулся на него с заточкой, завязалась драка, коск уронил его об этот вот край раковины, но последним усилием отважный страж обрушил ему на череп дубинку... Что и привело к летальному исходу их обоих.

– Здорово! – восхитился Дылда. – И мы ни в чем не виноваты...

– Да, здорово, – процедил Эдвард. – Есть только одна нестыковочка... Точнее, проблема... Дыра в стене. Как мы объясним ее появление?

– Скажем, мыши прогрызли, – предложил Дылда.

– Здорово придумано, – Цитрус бросил на великана сочувственный взгляд. – Главное, достоверно! Ладно, я еще подумаю над этим. Как бы там ни было, пора возвращаться в нашу камеру. Пока нас не застучали здесь. И звать на помощь. Обязательно звать на помощь! Потому что у соседей творится что-то ужасное...

– Ага, – кивнул Дылда.

– Будем надеяться, этого усатого здесь не очень любили. В противном случае события будут разворачиваться по твоему сценарию.

– Как это? – не понял великан.

– Избиение ногами до потери сознания, а потом – лишних пятьдесят лет накинута, а то и шлюз. Но ты, главное, не колись. Доказательств-то у них нет. Подумаешь, дыра в стене! Что это за стены такие, которые можно проковырять заточкой? Может, тут эта дыра много лет отсвечивает! Или, например... – Эдик просиял: – Этот чернявый полз к нам в камеру, а герой-охранник как раз в этот момент прогуливался неподалеку. Услышал подозрительный шум и решил пресечь творящийся тут беспредел. Ворвался в камеру, завязалась драка... Ну и порешили они друг друга. Легенду понял?

– Чего?! – откликнулся Дылда, протискиваясь в дыру, которая расширилась до размеров двери. Цитрус без труда пролез следом. И заорал что было сил:

– На помощь! Все на помощь!

Так он орал по меньшей мере двадцать минут, бился в металлическую дверь, стучал в стены. На яростные призывы никто не откликнулся. Когда Эдвард бессильно осел на нары, Дылда указал на красный сенсор над дверью:

– Тут кнопка есть, для вызова охранника.

– Что?! – вскричал Цитрус. – А что ж ты раньше молчал?

– Не хотел тебе мешать, – пожал плечами великан. – Я думал, это часть нашего плана.

– Кнопка... кнопка... – Эдик заметался по камере. – А камер слежения здесь нет? – обеспокоился он.

– Нет. Камер нет, – покачал головой Дылда. – Заключение возмущались, заклепывали их жвачкой били почем зря, вот их и перестали ставить... Зачем тратить деньги, если всё равно сломают? Я сам лично три камеры открыл, ги...

– А охранников вызывать зачем?

– Ну, может, тебя соседи обижать начнут... Или доктор кому нужен будет...

– Гуманисты, – скривился Цитрус. – Не люблю... Ладно, жми на кнопку, – распорядился он.

– Доктора вызывать будем? – оживился Дылда.

– Нет. Сами будем копов лечить. Точнее, я буду лечить, а ты на ус мотать, как надо такие дела делать.

Охранники явились спустя десять минут. Отокнули замок камеры и вошли внутрь – тучный старший надзиратель в чине капитана и с ним несколько тюремщиков рангом пониже.

– В чем дело? – поинтересовался надзиратель, заметил дыру в стене и протянул: – Та-а-ак. Ну и дела. Сидоренко?

Тошенький сержант шагнул вперед.

– А ну-ка, проверь, что там?

– Есть. – Охранник заглянул в дыру и присвистнул: – Тут... это... два трупа.

– Два трупа?! – выкрикнул надзиратель и ринулся к дыре. – Боже мой, да это же Васильев! – Он резко обернулся и уставился на Цитруса.

Тот всё это время сохранял спокойное молчание, разглядывая стены камеры и пол. Поднял взгляд на старшего надзирателя. И напомнил спокойным голосом:

– Это мы вас вызвали, гражданин начальник.

– И что?! – проревел тот.

– А то, что чернявый какой-то в нашу камеру полез. Потом слышу, ключи вроде как звенят. Затем возня какая-то началась и крики. Я сразу понял, что кто-то из охраны вмешался, и очень испугался, как бы с этим героическим стражем чего ни случилось. Как выясняется, поздно спохватился. Вот... Убил он его, оказывается, как мы только что услышали.

Эдик замолчал. Надзиратель некоторое время сверлил его внимательным взглядом, повернулся к Дылде.

– Ты, – скомандовал он. – Подъем! На допрос ко мне, живо. Отконвоировать! – отдал команду подчиненным. – А с тобой, – он с подозрением сощурился, глядя на Эдика, – мы еще пообщаемся. Потом.

Дылда вернулся через несколько часов. Расстроенный.

– Ты только не обижайся, Эдик, но я всё ему рассказал.

– Что-о?! – вскричал Цитрус.

– Мне пришлось. Иначе мне бы срок накинули. А я никак не могу так долго сидеть. А тебе всё равно. Сам сказал, всё возьмешь на себя. Сто тридцать два года – это много. Так что...

– Так что ты ему рассказал?

– Ну-у-у, – протянул Дылда, – сначала-то я запирался, как мы и договорились. Стоял на том, что эти двое друг дружку грохнули. Но потом он меня своими вопросами вконец запутал. И я испугался, что сейчас чего-нибудь не то ляпну. Вот я и сказал честно, что ты сначала одного грохнул, который тебя убить хотел, а потом другого.

– Я?! – закричал Цитрус. – А я здесь при чем?! Ведь это всё ты!

Великан поглядел на него с осуждением.

– Вот как ты заговорил. А еще друг! Не ожидал от тебя...

– Да они ни за что не поверят. Я же дохлый. Да еще инвалид, ко всему прочему. Не может такого быть, чтобы они в такое поверили!

– Он так и сказал: «Поверить не могу, что он на такое способен...»

– Вот именно...

– А потом добавил: «Ну да я и не такое видел. В жизни чего только не бывает».

– Проклятие! – прорычал Цитрус. – Кто тебя за язык тянул...

– Меня заставили, – выкрикнул Дылда и вдруг согнулся пополам, зашелся в беззвучных рыданиях, закрыв лицо руками.

– Эй, ты чего?! – опешил Эдвард. Присел рядом с Дылдой. – Да не переживай так. Ну, накинута мне лишних пятьдесят лет вдобавок к моим ста тридцати двум. Так что с того? Ничего страшного.

– Правда, ничего страшного?

– Конечно, – покривил душой Цитрус. Ему уже виделись страшные картинки – избиение и шлюз. Как бы выкрутиться из этой нехорошей ситуации?

– Они сказали, – поделился Дылда, – что если я не скажу правду, то они будут меня пытаться. Бить ногами, прижигать паяльником. Голову дверью стискивать. А я пыток с самого детства, знаешь, как боюсь... Особенно паяльника.

– Да, да, – согласился Эдвард, – пытки – это страшно. Да и вообще – дикость.

– Я раз кино смотрел, про подвиг космического разведчика. Его злые рангуны схватили и стали пытаться, чтобы он им всю правду рассказал. И он тоже не выдержал, всё выдал, – стирая слезы с пухлых щек, Дылда затряс головой: – Скажи, дорогой мой Эдвард, ты сможешь простить меня?

– Я же тебе говорил, не называй меня «дорогой мой»! – вскричал Цитрус, чем вызвал у великана новый приступ громкого плача. – Ладно, – Эдик похлопал его по спине. – Всё будет в порядке, Дылда. Мы с тобой команда. Так?

– Так, – отозвался несчастным голосом великан.

– А раз мы с тобой команда, то справимся со всеми сложностями. Подумаешь, наговорил кое-чего под угрозой пыток.

Вскоре вызвали и Эдварда: «Руки за спину! Идти вперед без остановки!» Провели по светлым пустым коридорам мимо многочисленных дверей камер, заставили остановиться возле кабинета главного надзирателя пересыльной станции, впустили внутрь. Капитан сидел за широким столом, заваленным всякой всячиной. Цитрус заметил парочку правовых журналов, исчерканный древнейшей шариковой ручкой лист бумаги – («на что он ему?»), наручники, игральные кости, такие притягательные и неожиданные на столе начальника пересыльной станции, и... пассатижи. Последний предмет Эдварда насторожил и заставил взглянуть в лицо руководителя надзорной службы внимательнее. В чертах его читалось какое-то странное оцепенение, какое встречается у людей малочувствительных и, как правило, очень жестоких. Заметив интерес Цитруса, капитан взял пассатижи и принялся ими поигрывать – покрутит в пальцах, разожмет, щелкнет и снова – покрутит, разожмет... После очередного щелчка Эдик потерял самообладание и порядком побледнел.

– Будем запираемся? – поинтересовался капитан, глядя на него исподлобья.

– Нет, – с готовностью ответил Цитрус, – расскажу всё как на духу.

– Да, – обрадовался главный надзиратель, щелкнул пассатижами и включил записывающее устройство: – Значит, так, гражданин Цитрус, я жду вашего рассказа о том, как вы расправились с этими людьми?

– Сначала я услышал какой-то шум...

– Так-так.

– Шум всё нарастал.

– Интересно...

– Потом ко мне в камеру стал рваться какой-то тип. Ковырял, собака, пластиковую стену заточкой.

– Ковырял, как собака?

– Нет, он сам – собака.

– Так не пойдет! – капитан нажал на сенсор отключения записи и уставился на Эдварда сердито: – Мне казалось, мы поняли друг друга.

– Ну да, – закивал Цитрус, – разумеется, поняли.

– Так в чем же дело?

– Ни в чем. Расскажу всю правду.

– Правду, Цитрус, ты понял – правду! Причем ту правду, которую я хочу от тебя услышать, подлец!

– Хорошо.

– Ладно, – капитан погрозил заключенному пальцем, нажал сенсор. – Итак, как именно получилось, что ты убил этих несчастных и самое главное, – надзиратель возвысил голос: – сержанта Васильева?!

– Расскажу... – начал Эдвард. – Ладно...

Капитан нахмурился – неужели передразнивает?

– Расскажу вам всю правду, – повторил Цитрус и вдруг выкрикнул: – Я невиновен! Проклятый полицейский произвол! Вы не заставите меня сознаться в том, что я не совершал!

Надзиратель смерил его унылым взглядом и ткнул кнопку сенсора:

– Мне казалось, ты умнее. Видимо, я ошибался. Сидоренко! – заорал он.

Дверь распахнулась. Сержант вбежал в кабинет и вытянулся во фронт. Подчиненные у главного надзирателя были вышколены до состояния дрессированных цирковых собачек.

– Уведи его! Пойдет на возврат.

– В суд? – обрадовался Эдик. – Мы с господином судьей очень подружились. Ох, и рад он будет меня увидеть!

Проговорив это, он ринулся к столу, сгреб игральные кубики и сунул их в рот.

– Ты что творишь, гад паршивый?! – вскричал надзиратель.

– Ты что, спятил, однорукий?! – поддержал его Сидоренко.

Цитрус поспешно глотнул, закашлялся для виду. И уставился на надзирателя с таким торжествующим видом, словно только что узнал о крупном лотерейном выигрыше.

– Сожрал?! – ахнул Сидоренко. – Да на кой они тебе?!

– Хочет в лазарет попасть, пакостник, – процедил надзиратель. – Ну, я тебе устрою лазарет, убийца! Ты у меня в такой лазарет отправишься, где тебя разберут на органы и распродадут в элитные клиники.

Эдвард замотал головой, демонстрируя нежелание, чтобы его органы распродали.

– Оформим тебя, как добровольного донора, – пообещал надзиратель, – будешь героем тюремной хроники. Заключенный Цитрус Эдвард в один прекрасный день услышал голос ангела, который сказал ему, что он должен отдать свои органы людям. Потому что сам он их недостоин. И людей, и органов своих – тоже. Ну, скажи мне, зачем подонку здоровое сердце? Или почки?

В ответ Цитрус снова мотнул головой, на этот раз неопределенно, мол, может быть, и нужны, откуда вам знать?

– Уведи его, Сидоренко, с глаз моих долой, – попросил надзиратель и отвернулся к иллюминатору, – пока он еще что-нибудь не сожрал. Вот ведь подонок какой!

Эдвард тем временем незаметно извлек изо рта кости и опустил их в карман.

– Я здесь всё съем! – пообещал он. – Вы даже представить не можете, господин главный надзиратель, как будет рад судья, увидев меня! Ведь я попаду к тому же судье? Юрию Цуккермейстнеру? Это мой большой друг.

– Цуккермейстнер – твой друг? – обернулся начальник. – Хм... То-то я смотрю, вместо трехсот лет он впаял тебе каких-то сто тридцать два года... С твоими статьями такое только по очень большому благу возможно. Знаю я этого Цуккермейстнера. Пакостный человечешко. Вьедливый, как клоп. Если я тебя обратно отправлю, он того и гляди раздует дело о том, что мы негуманно относимся к заключенным...

– Да я ведь всё расскажу! – с довольной улыбкой заявил Цитрус. – Что стены у вас гнилые, их даже заточкой можно проковырять. Что плоскогубцами вы заключенным грозите. А Цуккермейстнер – неподкупный человек. Светоч справедливости. Его даже за бублики не купишь.

– Как ты сказал? За какие еще бублики?

– Ну, это я образно выразился...

Главный надзиратель с хрустом почесал начинающую лысеть голову, вздохнул:

– Да, до суда дело доводить нельзя. Проще удавить тебя здесь, на месте. Уведи его, Сидоренко!

Цитрус понял, что перегнул палку, хотел пойти на попятный, но широкая лапища охранника зажала ему рот.

– А будешь выступать, мы тебе пасть скотчем заклеим, – пригрозил Сидоренко, таща Эдика по коридору. – Или зашьем. Грамотные все, как я погляжу...

К большому удивлению Цитруса, его втокнули в прежнюю камеру. Дылда лежал на верхних нарах и тихонько посапывал. В стене зияла дыра.

«Они, наверное, надеются, что я поссорюсь с Дылдой, и он меня пришибет, – решил Эдик. – Не дождетесь, шакалы легавые! Дылда будет моим лучшим другом! Уж к этому увальню я подход найду, хоть он и туповат, и несколько раздражителен. Нужно только приучить его к себе. Заинтересовать, так сказать».

– Эй, братец, вставай! – заорал Эдик.

Дылда рывком сел на нарах и ударился головой о потолок. Глаза его стали дикими.

– А! Что?! Куда?! – прохрипел он.

– Я принес тебе радостную весть. Взял всю мокруху на себя, – заявил Цитрус. – Решил, что встретиться с судьей Цуккермейстнером будет в высшей степени полезно и интересно. Скоро я тебя покину, мой большой друг! Да и ты, возможно, прогуляешься. Свидетелем.

– Я не хочу свидетелем, – испугался Дылда. – Говорят, свидетели долго не живут.

– Ты нас всех переживешь, это точно, – Цитрус извлек из кармана кости и принялся ими поигрывать.

– Что это? – заинтересовался Дылда.

– Стащил у начальника этой паршивой пересыльной станции игральные кости. Теперь мы с тобой сможем провести время за приятным и полезным занятием, если найдем стакан.

– Для чего? Ты хочешь выпить?

– Нет, логическое мышление у тебя развито так себе... Если есть стакан и есть кости, что можно сделать?

Дылда пожал плечами. Лицо его стало трогательно беспомощным. Он мучительно пытался сообразить, что же можно сделать со стаканом и костями, но никак не мог догадаться.

– Да ну тебя, – пробурчал великан, – сам скажи!

– Мы будем играть в кости, мой большой друг! Очень увлекательная, полезная и интересная игра!

– На шалабаны?

– На деньги, друг мой, на деньги! Ты что, забыл, у тебя есть сто рублей? И забыл, кто их тебе дал?

– Точно, – расплылся в улыбке Дылда. – Если бы мы были в обычной колонии, можно было бы пригласить девочек. Но на пересыльной станции и резиновые женщины дорожные... Хотя ста рублей должно хватить... Наверное.

– Да-а? – протянул Цитрус.

В голове его роились разные мысли – веселые и не очень. К примеру, то, что в колонии можно приглашать к себе девочек, имея кое-какую наличность – приятно. Уж Дылда-то, как коск со стажем, знает, что почем. Только удастся ли добраться до этой самой колонии? Главный надзиратель пообещал придушить его. И вполне может это сделать. Трупом больше, трупом меньше... Нужно быть настороже! А главное, чтобы Дылда всё время был настороже. Его костедробильный удар остановит любого убийцу!

Нет, не посмеют тюремщики меня придушить, понял Цитрус. Побоятся неприятностей и судьи Цуккермейстера. Скорее отправят запрос на возвращение заключенного в суд и осуждение по новой статье.

– Девочки, говоришь? – переспросил Эдвард.

– Ну да! – лицо Дылды сделалось мечтательным. – У меня никогда не было ста рублей. Но я точно знаю, богатые коски хорошо проводили время. Пятьдесят рублей охране, пятьдесят – девочке...

– Цены ломовые, – расстроился Цитрус. – Ладно бы еще девочке, если она того стоит. Но охране-то за что?

– Тут не свобода, – вздохнул Дылда. – Ну а мне, вообще говоря, больше по душе резиновые женщины. Резиновая девочка говорит только то, что записано в программе, не пытается от тебя ничего добиться. Ей не нужно платить каждый раз, особенно если она твоя собственность. И охране ничего отстегивать не надо. Словом, я хочу купить себе маленькую лапочку, такую, как мне одалживал когда-то Мишка Жаба. Его помещали в карцер на три дня, и он отдал свою любимую мне – на сохранение. Чтобы другие коски ее не порезали – не все любили Мишку и отомстить ему могли самыми жестокими способами. Это были лучшие три дня в моей жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.